



ФИНЛЯНДСКАЯ ОКРАИНА

ВЪ СОСТАВЪ

Русского Государства.

Издание 2-ое дополненное.



556 089

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Государственная Типографія.
1910.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

I. Значеніе Фінляндії для Россії	1
II. Прошлое Фінляндії	7
III. Завоеваніе Фінляндії.	9
IV. Політическое положеніе Фінляндії по договору со Швеціей	12
V. Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія 1789 года.	15
VI. Управление Фінляндіей до 60-хъ годовъ	20
VII. Начало сепаратистскаго движенія	25
VIII. Слабость и неустойчивость русской политики . .	29
IX. Антинаціональныя теченія въ русскомъ обществѣ и правительственныехъ сферахъ	33
X. Развитіе ученія о финляндскомъ государствѣ и неосвѣдомленность русскаго правительства. . . .	37
XI. Источники благосостоянія Фінляндії.	43
XII. Царствованіе Императора Александра II.	49
XIII. Фінляндскія политическія партіи	54
XIV. Русскіе голоса въ литературѣ.	60
XV. Поворотъ къ объединительной политикѣ и обще- государственное законодательство.	65
XVI. Объединительныя мѣропріятія. Время Н. И. Боб- рикова.	72
XVII. Сопротивленіе финляндцевъ государственному объ- единенію	78
XVIII. Князь Ив. Оболенскій и д. т. с. Герардъ. . . .	86
XIX. Время ген. Бекмана.	97
XX. Фінляндскій комитетъ по выработкѣ законопроек- товъ и русско-финляндская смѣшанная ком- мисія	104
XXI. Русская государственная программа.	118
XXII. Литература и пособія.	116

*

....«*Присоединивъ навсегда Финляндию къ Россiи, съ удовольствiемъ Мы зрѣли торжественные обѣты, обывателями сего края принесенные на вѣрное и вѣчное ихъ Скипетру Россiйское подданство»....*

«Въ чредѣ народовъ, Скипетру Россiйскому подвластныхъ и единую Имперiю составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндiи съ сего времени воспрѣяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава.... ничто отторгнуть ихъ не можетъ».

(Изъ Манифеста 5 июля 1808 г.).

«Страну сю, оружиемъ Нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россiйской Имперiи, а вслѣдствiе того повелѣваемъ Мы принять отъ обывателей присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство».

(Изъ Манифеста 20 марта 1808 г.).

....«*Губернii сiи.... будуть отнынѣ состоять въ Собственности и Державномъ обладанiи Имперiи Россiйской и къ ней навсегда присоединяются»....*

(Трактать 5 сент. 1809 г. въ г. Фридрихсгамъ, ст. IV).

I.

Значеніе Фінляндії для Россії.

Фінляндія займаєтъ крайній съверо-западъ Россіи и обнимаетъ площесть въ 5.910 кв. м. съ населеніемъ въ 2.968.600 человѣкъ¹⁾, что составляетъ $1\frac{1}{2}\%$ територіи Россіи и около 2% ея населенія. Несмотря на такую сравнительно небольшую часть, какъ общаго пространства, такъ и общаго населенія Имперіи, значеніе Фінляндії обусловливается ея географическимъ и въ особенности относительнымъ положеніемъ.

Протягиваясь до пограничныхъ морей и въ то же время удаляя сухопутную границу нашу на 925 верстъ, перенося ее съ рѣки Сестры на рѣку Торнео, она прикрываетъ весь съверъ государства до параллели Невы. Заключая въ себѣ весь съверъ и значительную часть восточнаго берега Финскаго залива, она обеспечиваетъ обладаніе тѣмъ «окномъ», которое прорубилъ Петръ Великій въ Европу. Находясь у стѣнъ Петербурга, она играетъ столь важную роль по обеспеченію этого послѣдняго, что само существованіе его, какъ столицы, только и мыслимо при условіи полнаго владѣнія нами Фінляндіей.

¹⁾ Къ 1 января 1908 года. Изъ нихъ шведовъ 13,5%, а финновъ—86%.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно представить себѣ Финляндію самостоятельною или принадлежащею какому-либо другому государству, чтобы убѣдиться, насколько тяжелымъ явилось бы военное положеніе Имперіи. Мыслима-ли столица въ 30 верстахъ отъ сухопутной границы и въ нѣсколькихъ часахъ морского пути отъ стоянки чужого военного флота? Какія колоссальные фортификаціонныя сооруженія были бы необходимы, чтобы надежно обеспечить за собою столицу, какія огромныя средства потребовалось бы затратить для этого; какія вооруженные силы пришлось бы постоянно держать здѣсь наготовѣ, чтобы оставаться спокойнымъ за тотъ пунктъ, который служить средоточіемъ всего государства!

Необходимость обладанія балтійскимъ побережьемъ, въ томъ числѣ и Финляндіей, для русскаго государства сознавалась изстари; съ этой точки зренія смотрѣли на территорію сосѣдей финновъ давно русскіе цари и государственные дѣятели.

Уже при самомъ возникновеніи государства русскіе тѣснятъ кореловъ и эстовъ и овладѣваютъ ближайшими берегами Финскаго залива. Въ XII вѣкѣ въ Финляндію вторгаются шведы съ запада и постепенно овладѣваютъ всѣмъ ея пространствомъ. Отсюда возникла борьба за обладаніе Балтійскимъ моремъ; борьба, которая съ перерывами длится 7 вѣковъ, т. е. до 1809 года.

Ослабленіе Россіи вслѣдствіе татарскаго ига, а затѣмъ—внутреннихъ неурядицъ, ведетъ къ успѣху шведовъ, и мы послѣдовательно уступаемъ сперва часть Карелии (1323 г.), затѣмъ Выборгскую губернію (1609 г.) и далѣе южный берегъ Финскаго залива (1617 г.). Но послѣ того быстрый ростъ Россіи со временемъ Петра Великаго отмѣчается цѣлымъ рядомъ нашихъ успѣховъ надъ шведами.

Петръ ведеть со Швеціей гигантскую 20-лѣтнюю борьбу и при первыхъ же успѣхахъ закладываетъ на берегахъ Невы новую столицу Россіи. Со сдѣланными Петру уступками Швеція не желала примириться, и въ 1741 г. война возобновилась. Въ результатѣ присоединеніе осталъной площади нынѣшней Выборгской губерніи. Наконецъ, многовѣковая борьба со Швеціей оканчивается войною 1808—1809 г.г. По Фридрихсгамскому миру Финляндія пріобрѣтена вплоть до р. Торнео.

«Финляндія была нужна Россіи—сказалъ графъ Шуваловъ Наполеону I—таковъ былъ проектъ Петра, который безъ этого не создаль бы столицы тамъ, гдѣ она нынѣ существуетъ». На одномъ изъ совѣщаній съ довѣренными лицами Александръ I просилъ П. К. Сухтелена указать наиболѣе выгодную шведо-русскую границу. П. К. Сухтеленъ провелъ на картѣ карандашемъ черту отъ г. Торнео до океана.

«Что это ты! Это ужъ слишкомъ много».

— «Ваше Величество требовали выгодной границы... другой безопасной и выгодной черты нѣть и быть не можетъ»,—отвѣтилъ генералъ. И если Императоръ Александръ I потратилъ много времени и средствъ, чтобы закончить присоединеніе Финляндіи, то сдѣлалъ это, какъ сказано въ его манифестѣ, для «сохраненія безопасности государства», а также для огражденія «покоя и благосостоянія здѣшней столицы», какъ значится въ рескрипѣ на имя московского военнаго губернатора (отъ 9 марта 1808 г.).

Балтійское море, несомнѣнно, арена будущихъ столкновеній съ нашими врагами; здѣсь они приложатъ старанія повредить Россіи, нападая на ея флотъ и города, блокируя берега, пытаясь произвести высадку. Изъ областей, прилегающихъ къ Балтикѣ, Финляндія, благодаря своей близости къ столицѣ, всегда станетъ

привлекать внимание непріятелей. Для военныхъ операцій въ Финляндіи, съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великий «ногою твердой стала при морѣ», непріятели постоянно будуть имѣть очень серьезную цѣль.

Это относительное положеніе Финляндіи придаетъ ей, какъ окраинѣ, особенно важное значеніе; оригинальное же политическое ея устройство увеличиваетъ его еще болѣе. Находясь на флангѣ открытыхъ путей къ столицѣ, она представляетъ вѣроятный районъ борьбы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ войнѣ примѣтъ участіе или одна изъ первостепенныхъ морскихъ державъ, или противъ Россіи выступить цѣлая коалиція; въ виду же автономіи Финляндіи и недостатка прочной связи ея съ остальной Россіей, она, при своемъ иноплеменномъ и иновѣрческомъ составѣ, можетъ вызвать стремленіе къ полному отторженію отъ Россіи.

Война 1854—1855 г.г. наглядно указала на ту роль, которую Финляндія можетъ играть въ періоды политическихъ осложненій. «Эту страну могутъ посѣтить могущественные враги и оттуда наносить Россіи сильные удары»,—спѣшила заявить, вслѣдъ за Балтійской кампаніей, шведская газета «Svensk Tidning» (1856, №№ 98, 99 и 101). Въ 1863 году прошелъ слухъ о томъ, что западно-европейскія державы, собираясь напасть на Россію, избрали Финляндію мѣстомъ высадки и первыхъ своихъ операций. Говорили также, что въ архивѣ французского штаба сохраняется планъ предполагавшейся войны. Подумайте,—восклицала недавно «Indépendance Belge» (1903, 24 февр.), вспоминая события 1854—1855 г.г.,—подумайте, какою силой явились бы скандинавскіе воины, наводняющіе Финляндію и наступающіе къ Петербургу, при поддержкѣ флота трехъ державъ».

Финляндія доступна какъ для сухопутнаго вторженія, такъ и для десанта непріятеля. Ея физическія условія однако таковы, что даютъ значительный перевѣсъ оборонѣ. Размѣщенію войскъ она не благопріятствуетъ. Пропитанія большимъ арміямъ она не въ состояніи дать. Ея шхеры удобны для минныхъ загражденій; въ лабиринтѣ ея безчисленныхъ острововъ и заливовъ минныя суда найдуть для себя укрытие. При условіи нашего полнаго господства въ краѣ, ея пересѣченная мѣстность и особенно внутренняя котловина могутъ представить почти неодолимыя преграды для непріятеля.

Но, повторяемъ, лишь при условіи прочнаго и полнаго господства въ ней. Чрезвычайно серьезнымъ является, слѣдовательно, вопросъ объ отношеніи населенія Финляндіи къ войскамъ, обороняющимъ побережье. Если оно благопріятное, то даже серьезный успѣхъ десанта не можетъ быть опасенъ, такъ какъ долженъ будеть ограничиться лишь прибрежной равниной. Если-же оно не пользуется необходимымъ довѣріемъ, то потребуется расходъ силъ для обеспеченія тыла дѣйствія войскъ, обороняющихъ побережье, и все-же положеніе ихъ въ бѣдномъ краѣ, вдали отъ остальной Россіи, источника довольствія, будетъ нелегкое. Если-же отношеніе окажется враждебнымъ, то положеніе этихъ войскъ явится крайне тяжелымъ и обеспеченіе тыла ихъ, путемъ противодѣйствія народной войны въ крайне пересѣченной мѣстности потребуетъ значительныхъ силъ и средствъ.

Еще большую роль въ состояніи сыграть Финляндія, въ періоды военныхъ осложненій, когда у нея, какъ въ недавнее время, окажется нелегальная армія, сформированная агитационнымъ путемъ, въ родѣ многотысячной красной гвардіи, или милиціи, которую же-

лаютъ завести въ краѣ, когда онъ, кромѣ того, обильно снабжены боевымъ оружіемъ и динамитомъ; когда положено уже нѣкоторое начало самостоятельной финляндской флотиліи лоцманскими пароходами и пароходами, предназначенными для сторожевой службы, съ цѣлью препятствованія ввозу оружія контрабандой и, наконецъ, когда само лоцманское вѣдомство, держащее въ своихъ рукахъ ключъ отъ шхернаго лабиринта, находится въ всякой зависимости отъ морского министерства. Не забудемъ притомъ, что Финляндія какъ бы создана для партизанскихъ дѣйствій... Это показалъ еще опытъ войны 1808—1809 годовъ.

Рядъ изложенныхъ соображеній необходимо имѣть въ виду всегда, когда производятся серьезныя реформы, въ особенности теперь, когда столь ясно, столь рѣзко обнаружился финляндскій сепаратизмъ.

II.

Прошлое Финляндії.

Состоя подъ шведскимъ владычествомъ, Финляндія никакими особыми правами и преимуществами не пользовалась. Она не составляла какого-либо особаго административнаго цѣлага. Въ основныхъ законахъ Швеціи (1772 г. и 1789 г.) она особо не упоминалась. Она не имѣла своей финляндской конституціи. Законодательство, судъ, администрація, финансы и пр., все было общее со Швеціей. Со времени Эриха XIV она стала именоваться то герцогствомъ, то великимъ княжествомъ, но этотъ титулъ, который носили нѣкоторые принцы шведскаго королевскаго дома (послѣ 1581 г.), ничего не измѣнилъ и не прибавилъ въ ея политическомъ положеніи. Она была и оставалась «инкорпорированной» провинціей Швеціи, законы которой распространялись на Финляндію такъ же, какъ и на другія части шведскаго государства. Особаго сейма финны не имѣли, а посылали своихъ депутатовъ на общіе шведскіе риксдаги. Въ Стокгольмѣ сосредоточивались всѣ главныя управления, тамъ-же находилась казна и банки. Существовали финскія войска, но они являлись мѣстными воинскими частями и командовались преимущественно шведами. Эти войска «не возводили Финляндію

на степень отдельного въ политическомъ отношеніи цѣлаго».

Иное дѣло Померанія. Она управлялась особой коллегіей, имѣла свое сословное представительство, а въ 1663 г. получила даже особую форму правленія. Померанія дѣйствительно находилась на особомъ положеніи и выдѣлялась изъ среды другихъ частей шведского государства.

Крѣпостной зависимости Финляндія не знала, но всѣ права и преимущества приходились на долю высшихъ сословій, дворянства и духовенства: они, владѣя обширными землями, налоговъ не платили, безъ суда и полиціи взыскивали долги и за провинности превращали трудъ крестьянина въ даровой. Вся тягость денежной, натуральной и воинской повинности падала на крестьянъ, лишенныхъ права торговать; законъ представлялъ всѣ выгоды и преимущества хозяевамъ по отношению къ слугамъ. Финская національность не признавалась. Вездѣ, въ администраціи, судѣ и школѣ безраздѣльно господствовалъ шведскій языкъ; на финскомъ языке имѣлось только священное писаніе, да разрѣшалась церковная проповѣдь. «Научись сперва пошведски», говорило правительство каждому ребенку, желавшему вступить въ школу. «Это правило было словно на Синаѣ дано: обѣ измѣненіи его никогда даже и не просили».

III.

Завоевание Финляндіи.

Въ собственноручномъ письмѣ Импера́торъ Александъ I сообщилъ Наполеону I, что шведская Финляндія объявлена имъ «русской провинцией»: «j'ai déclaré la Finlande Suédoise province russe». Въ прокламаціи главнокомандующаго гр. Буксгевдена отъ 16 февраля 1808 г. сказано было, что Великое Княжество будетъ почитаться наравнѣ съ остальными завоеванными провинціями Русскаго Государства.

16 марта 1808 года Государь увѣдомилъ иностранныя державы особой деклараціей, въ которой говорилось, что... «отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою... признается областью, российскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется къ Российской Имперіи (П. С. З. 22899).

20 марта того-же года послѣдовалъ манифестъ о томъ, что «страну сию, оружіемъ нашимъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Российской Имперіи, и вслѣдствіе того повелѣваемъ Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство» (П. С. З. 22911).

5 іюня 1808 года Импера́торъ Александръ I указалъ, что, финскій народъ занялъ свое място «въ чредѣ

народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ».

Во время войны, когда обдумывались вопросы об устройствѣ финансового и военного дѣла Финляндіи, о новыхъ ея учрежденіяхъ и вообще о всемъ быть финновъ, признано было полезнымъ выслушать «желанія» народа, а потому состоялось повелѣніе созвать «для совѣщанія» земскій съездъ или сеймъ въ городѣ Борго. Отъ этого ландтага требовали «не рѣшеній» и «декретовъ», а простыхъ «мнѣній». На этомъ съездѣ 15 марта 1809 года земскимъ чинамъ была передана слѣдующая Высочайшая грамота: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщаю хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи»¹⁾.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что Высочайшая грамота 15 марта 1809 года ничего особенного собою не представляла. Подобныя грамоты, универсалы и ре скрипты до 1809 года давались нерѣдко жителямъ завоеванныхъ областей и даже отдельныхъ городовъ. Универсаломъ 16 августа 1710 года Петръ Великій оставилъ, напримѣръ, прибалтійскому населенію «безъ всякаго нововведенія» понынѣ исповѣдуемую Евангельскую религію, всѣ ихъ древнія привилегіи, вольности, права и преимущества»... Очевидно, что грамота 15 марта 1809 года имѣла своимъ образцомъ именно подобный универсалъ.

¹⁾ Эта грамота въ Полн. Собр. Зак. не опубликована, а подлинникъ ея сгорѣлъ въ Або.

Единственнымъ международнымъ актомъ, опредѣляющимъ новое политическое положеніе Финляндіи, является, конечно, Фридрихсгамскій мирный трактатъ (5 сентября 1809 г.). Въ IV статьѣ его говорится: «губерніи сіи... будуть отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской»... Въ VI статьѣ прибавлено, что Его Величество «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія» обеспечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей «свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества». (П. С. З. 23883).

Такова документально-правовая почва русско-финляндскихъ отношеній.

IV.

Политическое положение Финляндіи по договору со Швеціей.

Въ Фридрихсгамскомъ трактатѣ выражена вся полнота правъ Россіи по отношенію къ Финляндіи. Текстъ этого акта устанавливаетъ, что права и привилегіи, кои получены и сохраняются за Финляндіей, исходить отъ великодушнаго соизволенія Всероссійскихъ Монарховъ и не являются результатомъ какихъ-либо финляндскихъ заслугъ, или договора съ Россіей.

Финляндцы этимъ не удовольствовались и пожелали иного. «Имъ недоставало номенклатуры» государства, ихъ стѣсняла зависимость отъ Россіи и потому они начали широко толковать свои политическія права и создали цѣлую теорію особаго финляндскаго государства. Мечты о созданіи особаго государства наблюдались давно. Зависимость въ свое время отъ Швеціи также многимъ не нравилась. Надежды на самостоятельность поддержала Елизавета Петровна своимъ манифестомъ 1741 года и отчасти Екатерина II своимъ переговоромъ съ аньальцами, желавшими создать изъ Финляндіи самостоятельную автономную единицу.

За исходную точку новой эры финляндцы взяли сеймъ въ Борго и стали говорить, что на немъ ихъ представители договорились съ представителемъ Россіи—

Государемъ Александромъ I, выговоривъ себѣ извѣст-
ныхъ права.

Финляндія была провинціей Швеціи. Со Швеціей велась война. Со Швеціей-же былъ заключенъ договоръ въ Фридрихсгамъ. Изъ подъ власти шведовъ Финляндія прямо и непосредственно перешла во власть Россіи. «Финляндія, писалъ профессоръ Н. М. Коркуновъ, не отпала отъ Швеціи, не провозглашала своей независимости, не организовалась, какъ особое государство, не возстала противъ своего правительства». Вести какихъ-либо переговоровъ съ Россіей она, поэтому, не могла. Сеймъ въ Борго никакого особаго значенія имѣть не могъ, ибо что-нибудь одно,—какъ говорить проф. Н. М. Коркуновъ,—«или Александръ I, русскій Императоръ имѣлъ право учреждать финляндскій сеймъ, но тогда онъ уже сталъ ранѣе государемъ Финляндіи и ему уже незачѣмъ было договариваться съ сеймомъ объ ея присоединеніи; или онъ не былъ еще государемъ Финляндіи, но тогда онъ не имѣлъ права учреждать сейма и всѣ постановленія сейма не имѣютъ никакого юридического значенія».

Впрочемъ, даже безусловные сторонники теоріи особой финляндской государственности относятся къ такъ называемому «Боргскому договору» скептически. Такъ, извѣстный германскій юристъ К. Ворнгакъ, въ своемъ изслѣдованіи «Russland und Finnland» (1909), отстаивая существованіе особой финляндской государственности, одновременно находитъ, что «события въ Борго вообще не поддаются юридической квалификації».

Въ моментъ Боргского сейма положеніе Финляндіи не было еще закончено, почему профессоръ Абоскаго университета Калоніусъ сказалъ: „Пусть военное счастье тѣлесно отдало нась силѣ врага... но души наши будуть съ неослабною вѣрностью... принадлежать нашему

прирожденному королю. Поэтому, пока исходъ войны еще не известенъ и пока не заключенъ такой мирный договоръ, въ которомъ повелитель нашъ самъ откажется отъ своего права, отъ воли подданнаго не зависить отказаться отъ своего долга, если онъ не хочетъ запятнать себя позорнымъ преступлениемъ измѣны».

Такъ и случилось. Финляндцы, настаивающіе на созданіи своего политического положенія на сеймѣ въ Борго, услышали оцѣнку сего домогательства отъ нынѣшняго шведскаго профессора Гаральда Іерне (Hjärne), который написалъ (въ 1902 г.): «Пора намъ, шведамъ, заявить, что въ Финляндіи нашлись люди, которые полагали возможнымъ основать свой правомѣрный политический порядокъ на явной измѣнѣ (trohetsbrott), совершенной (въ 1809 г.) съ полнымъ презрѣніемъ требованій международнаго права». Историкъ же Ирье-Коскиненъ высказалъ слѣдующее свое мнѣніе о сеймѣ въ Борго: «Съ шведской точки зрѣнія эти события были не чѣмъ инымъ, какъ явнымъ возстаніемъ».

Такимъ образомъ, искать основы финляндской государственности въ дѣлахъ сейма въ Борго—напрасный трудъ, и это можетъ привести лишь къ горькому выводу. Въ Борго ни о какихъ обязательствахъ или принудительныхъ законахъ общегосударственного права рѣчь не шла; тамъ «царилъ только законъ милосердія и великодушія».

Объ образованіи молодого государства и о значеніи сейма ничего не говорилось.

V.

Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года.

Финляндцы заявляютъ, что Императоръ Александръ I утвердилъ для Финляндіи старые шведскіе законы, Форму Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года и тѣмъ установилъ особую государственную конституцію Финляндіи.

Прежде всего рѣшительно неизвѣстно, какимъ именемъ актомъ Александръ I утвердилъ ихъ для Финляндіи. Въ грамотѣ 15 марта 1809 года упоминается объ утвержденіи «коренныхъ законовъ». Сторонники финляндского государства настаиваютъ на томъ, что подъ ними слѣдуетъ подразумѣвать Форму Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года. Но разъ надо подразумѣвать и догадываться, то тутъ естественно открывается свободное поле для всякихъ утвержденій и отрицаній.

Ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи до сихъ поръ не установлено, какие именно законы слѣдуетъ понимать подъ терминомъ коренные или, какъ стали позднѣе говорить, основные законы. Если это сеймовые законы, то ихъ было нѣсколько (сеймовый уставъ, постановленіе о печати [въ одно время], общее уложеніе и др.). Если Императоръ понималъ подъ «коренными» законами

только законы 1772 года и 1789 г., то ихъ легко и естественно было поименовать, что однако не сдѣлано.

Обращаясь къ исторіи, убѣждаемся, что законы 1772 года и 1789 года въ періодъ сейма въ Борго и вообще въ послѣдующія времена въ Финляндіи вовсе не соблюдались русскою властью и очень часто не примѣнялись и не признавались самими финляндцами. Первымъ къ тому препятствіемъ являлось самое ихъ содержаніе. По тексту ихъ, Русскій Самодержецъ долженъ быть отвергать «ненавистное единодержавіе»; онъ обязанъ быть исповѣдывать лютеранскую вѣру; въ дѣлахъ престолонаслѣдія слѣдовать закону 1743 года; какъ чужестранецъ по отношенію къ Финляндіи, онъ не имѣть права выѣзжать изъ государства безъ согласія совѣтниковъ; ему надлежало собственноручно подписать Актъ 1789 года и т. д. Слѣдуя законамъ 1772 года и 1789 года, Александръ I не имѣлъ права назначить въ Финляндію генераль-губернатора и притомъ еще изъ русскихъ людей, а съ другой стороны ему надлежало бы учредить въ краѣ разныя коллегіи, Государственный Совѣтъ, верховный судъ, тайный комитетъ и проч. Очевидно, что требованія сихъ законовъ не руководили Монархомъ въ то время, когда организовалось новое устройство Финляндіи. Кое-когда могли искать подходящихъ указаний въ ихъ текстахъ, какъ въ любомъ старомъ законѣ, но неизбѣжной обязательности они не имѣли.

Въ послѣднее время Форму Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года подвергли новымъ проверкамъ, причемъ и русскіе и финляндскіе изслѣдователи единогласно устанавливали, что въполномъ объемѣ законы 1772 года и 1789 года къ Финляндіи примѣняться не могли и никогда послѣ 1809 года не примѣнялись, одна изъ причинъ этого

Если допустить, что Императоръ Александръ I, говоря о «коренныхъ» законахъ, имѣлъ въ виду не что иное, какъ законы 1772—89 г.г., то естественно и неизбѣжно возникъ вопросъ, какія же части сихъ государственныхъ законовъ онъ находилъ возможнымъ сохранить, какія призналъ отпадающими, въ силу самаго факта подчиненія Финляндіи самодержавной Россіи, и какія, наконецъ, вовсе не имѣлъ намѣренія утвердить. Вопросъ огромной важности, который, однако, никогда авторитетою русской властью не былъ разрѣщенъ.

Министръ статьи-секретарь гр. А. Армфельтъ то признавалъ ихъ, то отвергалъ. Споры о примѣнимости или непримѣнимости той или иной части ихъ были постояннымъ явлѣніемъ въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. По удостовѣренію финляндскаго сенатора Снельмана, большинство финляндцевъ, наканунѣ созыва сейма 1863 года, имѣли крайне смутное понятіе о сущности этихъ «основныхъ законовъ». Все это неизбѣжно отразилось и въ царскихъ резолюціяхъ того времени.

Когда Императору Александру II, при восшествіи на престолъ, подали на утвержденіе обычную грамоту о финляндскихъ привилегіяхъ, то Онъ приказалъ вычеркнуть въ ней слово по «конституціямъ» и замѣнить его словомъ по «постановленіямъ» и гр. Армфельтъ поспѣшилъ почтительнѣйше заявить «Sir, si Vous ne voulez pas *être un monarque constitutionnel, ne signez pas*» (Государь, если Вы не желаете быть конституционнымъ Монархомъ, то не утверждайте). Въ 1862 году Императоръ собственноручно начерталъ на одномъ докладѣ: «Съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 августа 1772 года отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 года. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязательенъ и долженъ служить непремѣнно руководствомъ

впредь». Согласно сему, въ первомъ проектѣ Сеймоваго Устава всѣ ссылки на Форму Правленія 1772 года были зачеркнуты рукою Императора. Проходитъ нѣкоторое время и подъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 года мы находимъ подпись Государя подъ странной припиской, въ которой поименованы и Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года, якобы дѣйствующіе въ Финляндіи. Фактъ этотъ имѣеть свою исторію и свое объясненіе; съ фактамъ приходится, конечно, считаться, но онъ не разъясняетъ дѣла, и имъ нельзя пояснить предыдущаго периода, т. е. отношенія Императора Александра I къ законамъ 1772 и 1789 г.г.

Совершенно произвольное толкованіе финляндцами Формы Правленія и Акта Соединенія дошло до того, что въ 1898 году Л. Мехелинъ издалъ на нѣсколькихъ языкахъ «Основные Законы Финляндіи», будто бы воспроизводящіе постановленія упомянутыхъ актовъ, а въ дѣйствительности сочиненные имъ самимъ и направленные лишь къ тому, чтобы люди неосвѣдомленные дѣйствительно повѣрили утвержденію, что Финляндія была и есть особое государство. («Précis du droit public du grand duché de Finlande» (1886 г.) и «Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи»).

Съ легкой руки Л. Мехелина, финляндцы вообще стали строго слѣдить за тѣмъ, чтобы общественное мнѣніе Европы, или, какъ они выражаются, «европейское мнѣніе», было освѣдомлено объ «истинномъ» положеніи Финляндіи. Тенденціозный курсъ «Государственного права Финляндіи» Л. Мехелина былъ включенъ въ классической многотомный справочникъ проф. Марквардсена; для иностранныхъ ученыхъ подбирались материалы по финляндскому вопросу, исключительно благопріятные для теоріи особаго финляндского государства. Даже въ иностранныхъ работахъ по русскому государственному праву

появлялись какимъ то чудомъ неправильности, выгодные финляндскому сепаратизму.—Не такъ давно, въ 1908 году, въ классическомъ справочномъ изданіи, редактируемомъ такими авторитетами германской юриспруденціи какъ Лабандъ, Еллинекъ и Пилоти (*Jahrbuch des öffentlichen Rechts der gegenwart*), былъ помѣщенъ переводъ русскихъ Основныхъ Государственныхъ Законовъ 1906 года, причемъ въ непріятной для финляндцевъ ст. 2 этихъ законовъ содержалась странная «ошибка въ переводѣ»: въ предложени: «Великое Княжество Финляндское... управляется особыми установленіями» слова «особыя установленія» замѣнены словами «особыми государственными установленіями».—И подобныхъ «опечатокъ» въ иностранной литературѣ по финляндскому вопросу встрѣчается не мало.

VI.

Управлениe Финляндiей до 60-хъ годовъ.

Неоспоримо, что Финляндiя сохранила весь прежний укладъ своей жизни. Все управлениe Финляндiей было выдѣлено изъ общаго управления Имперiей. Покоренному краю дано было то, что принято называть областнымъ самоуправленiемъ.

Финляндцы держатся того положенiя, что шведскiй король съ древнихъ временъ имѣлъ право издавать собственною властью законы административнаго и экономического характера. Къ этой области относились до послѣдняго времени законы о печати, о санитарной части, учебныхъ заведенiяхъ, почтѣ, межеваниi и т. п. Что-жѣ касается изданий законовъ основныхъ, сословныхъ привилегiй, общаго уложенiя, законовъ церковныхъ, морскихъ, гражданскихъ, законовъ о налогахъ—то они, по шведскому праву, требовали участiя земскихъ чиновъ, т. е. риксдага въ Стокгольмѣ. Бюджетъ (обыкновенный) утверждался единолично Монархомъ, безъ участiя сейма.

До шестидесятыхъ годовъ Финляндiя управлялась безъ всякаго сейма и, тѣмъ не менѣе, многiе законы того периода до сихъ поръ имѣютъ обязательную силу, напримѣръ, постановленiе о сенатѣ, о статѣ-секретариатѣ, гофгерихтахъ, главныхъ управленияхъ края, уставъ межевой (1848 г.), лѣсной (1851 г.), вѣ-сельный (1858 г.); части уложенiя 1734 года были

измѣнены; манифестами 1809 г., 1840 г. и 1860 г. преобразована была денежная система; Выборгская губернія присоединена къ Финляндіи. И это понятно, такъ какъ источникомъ законодательства въ Имперіи являлась Верховная власть. Сеймъ начали созывать съ 1863 года. Сеймовый Уставъ былъ утвержденъ въ 1869 году.

Къ покореннымъ шведскимъ землямъ была присоединена Выборгская губернія, но, очевидно, исключительно въ виду удобства внутренняго управлениѧ. Если-бы Государь смотрѣлъ на Финляндію, какъ на инородческое государство, то у него не могло, конечно, возникнуть желанія отдать исконныя русскія земли и завоеванія Петра Великаго въ чужія руки. Позднѣе (въ 1863 г.) тѣмъ-же порядкомъ, для пользы управлениѧ, послѣдовало отдѣленіе Сестрорѣцкаго района отъ Выборгской губерніи и присоединеніе его къ Петербургской губерніи.

Вообще приходится отмѣтить, что послѣ 1809 года Финляндія образовалась изъ такихъ частей, которыя раньше никогда въ ея составъ не входили, напримѣръ: Аланскіе острова и Вестерботнія.

«Главное внутреннее управлениѳ Финляндіи» ввѣreno сенату, который вѣдаетъ гражданское управлениѳ и хозяйство Великаго Княжества, а также высшее правосудіе. Сенатъ дѣлится на два департамента: хозяйственный (экономический) и судебный. Съ 1809 г. по 1816 г. сенатъ назывался Правительственнымъ Совѣтомъ.

Совѣтъ (сенатъ) вѣдалъ дѣлами края, но «подъ надзоромъ» генераль-губернатора, какъ гласилъ ре- скриптъ 14 сентября 1810 года.

Надзоръ за всѣми исполнительными органами при- надлежалъ генераль-губернатору. Онъ-же являлся

предсѣдателемъ сената. На него возлагалась отвѣтственность за управлениѳ Финляндіей передъ Монархомъ. Онъ былъ единственнымъ связующимъ звеномъ между Россіей и Финляндіей.

Въ 1811 году учреждена была комиссія финляндскихъ дѣлъ. Изъ этой комиссіи создался статсь-секретариатъ. Съ 1834 года докладчикъ финляндскихъ дѣлъ сталъ именоваться министромъ статсь-секретаремъ. Въ финляндскомъ статсь - секретариатѣ сосредоточились дѣла, подлежащія докладу и рѣшенію Государя Императора.

Во время шведскаго владычества, а также съ переходомъ Финляндіи во власть Россіи и вплоть до 1881 года финскія войска комплектовались двумя способами: вербовкой и по поселенной системѣ. Для послѣдней цѣли страна раздѣлена была на рѣкрутскіе участки. Каждый участокъ обязанъ былъ поставлять солдата и предоставлять ему небольшой земельный надѣлъ съ жилищемъ (togr) и, кромѣ того, выдавать ему содержаніе въ натурѣ и деньгами.

Ни покоритель, ни его державные преемники отнюдь не имѣли въ виду выдѣлять Финляндію въ особое инородческое государство. Это видно изъ ниже-слѣдующаго. Императоръ Александръ I потребовалъ (закономъ 1813 г.) отъ всѣхъ служащихъ въ Финляндіи знанія русскаго языка. Шведскій языкъ оставленъ былъ въ дѣлопроизводствѣ края условно и временно, пока не войдетъ въ употребленіе языкъ государственный русскій. Правительственный Совѣтъ (впослѣдствіи сенатъ) сознавалъ тогда пользу и необходимость для чиновниковъ и служащихъ въ Финляндіи знанія россійскаго языка. Первый генералъ-губернаторъ Спренгт-портенъ писалъ въ свое мемуарѣ, что современемъ русскій языкъ долженъ сдѣлаться главнымъ языкомъ

края. Графъ Густавъ Армфельтъ и Ребиндеръ,—вліятельнѣйшіе дѣятѣли Финляндіи въ Петербургѣ,—этому содѣйствовали.

Финляндія получила свою казну и свой банкъ, но монета была введена русская.

Русскихъ людей не устранили. Сперанскій явился первымъ докладчикомъ финляндскихъ дѣлъ; графа Румянцова абоскій университетъ хотѣлъ видѣть своимъ канцлеромъ; русскимъ людямъ, которые приняли приглашеніе быть преподавателями, обѣщались льготы; послѣ Спренгтпортена всѣ генералъ-губернаторы назначались изъ русскихъ сановниковъ.

Междуд Россіей и Финляндіей возникла таможенная линія, но ею не имѣлось въ виду отдѣлять вновь пріобрѣтенныхъ земель отъ центра Имперіи, а только охранить Россію отъ иностранныхъ товаровъ. Таможенные положенія проходили чрезъ Государственный Совѣтъ.

Финляндія имѣла свой сенатъ, свои гофгерихты, главныя управления, особое внутреннее законодательство и пр., но все это не дѣлало ее государствомъ. Сенатъ, гофгерихты и университетъ называются императорскими, финляндская канцелярія въ Петербургѣ именуется канцеляріей Его Императорскаго Величества. Очевидно, что Монархи руководились желаніемъ сблизить Финляндію съ Россіей, сдѣлать ее нераздѣльной частью новой ея метрополіи.

Укажемъ кстати, что съ первого дня подчиненія Финляндіи русской Верховной власти начали въ ней дѣйствовать и продолжаютъ сохранять свою силу, рядомъ съ финляндскими постановленіями, нѣкоторые русскіе законы. Такъ на Финляндію распространяются основные государственные законы Российской Имперіи, всѣ трактаты и акты, касающіеся международ-

ныхъ сношеній и консульской части, часть законовъ военныхъ, положенія о почтѣ и телеграфѣ; на территоріи Финляндіи имѣютъ примѣненіе многія положенія Святѣйшаго Синода; духовныя дѣла финляндцевъ католиковъ и другихъ инославныхъ исповѣданій управляются по уставу духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; русскія учебныя заведенія и русскія periodическія изданія подчинены дѣйствію соотвѣтствующихъ русскихъ законовъ. Проекты измѣненій лоцманскихъ и маячныхъ учрежденій должны быть одобрены морскимъ министромъ.

Финляндцы были довольны новымъ положеніемъ, созданнымъ Александромъ I, такъ какъ оно возворило спокойствіе въ краѣ, бывшемъ въ теченіе столѣтій театромъ кровавыхъ столкновеній Россіи со Швеціей. Финляндія быстро оправилась отъ послѣдствій войны 1808—1809 г.г. и, въ полемикѣ со шведами, финляндцы не разъ указывали на приобрѣтенные ими выгоды.

Въ продолженіе первыхъ десятилѣтій финляндцы правильно смотрѣли на свой край, какъ на провинцію и составную часть Россійской Имперіи. Депутаты сейма въ Борго высказались за принятіе рубля, въ качествѣ монетной единицы, дабы Финляндія «не отличалась отъ остальныхъ провинцій государства». Генераль-губернаторъ Штейнгель во всеподданнѣйшемъ рапортѣ (19 августа 1811 года, № 416) писалъ о ввѣренныхъ ему «финляндскихъ губерніяхъ». Доцентъ Арвидсонъ, писатель фонъ-Бюргаузъ, Лундаль, профессоръ Пальменъ и др. проводили эти воззрѣнія въ литературѣ. Къ нимъ примкнулъ известный шведскій историкъ Эрикъ Гейеръ и профессоръ упсальского университета Свѣдѣлусъ, который въ Боргоскомъ сеймѣ видѣлъ не болѣе, какъ провинциальный съездъ или местный ландтагъ.

VII.

Начало сепаратистского движениія.

Картина рѣзко мѣняется въ шестидесятыхъ годахъ, когда финляндцы, подъ вліяніемъ либерального вѣянія съ Запада и созванія сейма въ 1863 году въ Гельсингфорсѣ, заговорили о государственныхъ правахъ Великаго Княжества. Въ печати завязалась полемика, которая продолжается до сихъ поръ, внося смуту въ умы и путая ясный и простой вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи.

Лучшимъ доказательствомъ того, что Финляндія ни фактически, ни юридически не была государствомъ—является вся исторія края послѣ сейма 1863 года. Вся дѣятельность финляндскихъ политическихъ вождей ушла на борьбу съ русскимъ правительствомъ изъ-за приобрѣтенія новыхъ и новыхъ государственныхъ прерогативъ, коихъ недоставало Великому Княжеству.

Въ созиданіи своего государства финляндцы проявили большую послѣдовательность и стойкость. Они видѣли, что многаго не хватало, и стали настойчиво добиваться недостающаго. При этомъ не пренебрегали ничѣмъ. Они пользовались отдельными фразами, выбранными изъ Высочайшихъ рѣчей и манифестовъ, ссылались на отчетъ Сперанского, на черновой набро-

сокъ рескрипта, на какой-нибудь недочетъ въ текстѣ закона и пр.

Мѣстная печать въ 1877 году усмотрѣла, что въ отношеніяхъ Финляндіи къ Россіи много неопредѣленаго, что постановленія о правѣ финскаго народа участвовать въ установленіи налоговъ неясны и т. п. Профессоръ Гельсингфорсскаго университета І. В. Росенборгъ объявилъ, что Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 года «темны и двусмысленны», а права сословій могутъ подавать поводы къ спорамъ и недоразумѣніямъ. Нужно было исправить недочеты, обосновать и укрѣпить политическое положеніе Финляндіи. Дѣятели края не дремали. Пользуясь печатью, сеймами и помощью своихъ министровъ статьѣ-секретарей, они съ теченіемъ времени добились поразительныхъ результатовъ въ намѣченномъ направлениі. Сеймъ замѣтно расширилъ свои первоначальныя права, увеличивая, напримѣръ, количества тѣхъ податей, которыя вотировались имъ, сокращая бюджетные періоды, присвоивъ себѣ право распоряжаться такъ-называемой вакантной податью и т. п.

Въ 1863 году они подняли вопросъ о дарованіи имъ особаго торгового флага, тогда-же завели рѣчь въ печати объ отдѣльныхъ консулахъ, а въ послѣдніе годы— о необходимости подготовки финскихъ чиновниковъ для дипломатическихъ обязанностей. Въ 1848 году самовольно завели у себя «гимнъ», который стали распѣвать на всѣхъ торжествахъ, выводя изъ употребленія русское «Боже, Царя храни». Имѣя, въ силу русскаго закона, свой гербъ, они объявили желтый и красный цвѣта государственными цвѣтами Финляндіи. Въ 1880 году шведская либеральная партія въ своей программѣ открыто выставила стремленіе къ утвержденію уніального, т. е. союзного

отношения Финляндии к России. Въ 1885 году заговорили о нейтралитетѣ, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей.

Финляндіи предоставлена была особая казна и особый банкъ; реформами 1860 и 1877 годовъ финляндцы создали на сихъ основаніяхъ отдельную монетную систему. Необходимость оградить Россію отъ легкаго провоза заграничной контрабанды черезъ Финляндію привела къ учрежденію въ 1811 году таможеннаго кордона; изъ него образовалась пограничная таможенная линія, являющаяся нагляднымъ признакомъ финляндской государственности. Александръ I оставилъ населенію прежнюю систему воинской повинности, которая едва не привела къ созданію особой арміи, такъ какъ, получивъ пѣхоту и кавалерію, финляндцы усиленно хлопотали о собственной артиллеріи и флотѣ.

Стремленіе къ обособленію было причиной изданія цѣлаго ряда ограничительныхъ постановленій, направленныхъ противъ русскихъ, которые оказались на собственной окраинѣ Имперіи въ положеніи иностранцевъ, въ виду воспрещенія русскимъ строить въ Финляндіи желѣзныя дороги, ограниченія практики русскаго врача, устраненія русскихъ шкиперовъ и машинистовъ отъ службы на финляндскихъ пароходахъ и судахъ; русская акушерка вовсе не допускается къ практикѣ; лица православнаго вѣроисповѣданія не могутъ преподавать исторіи; по уставу о воинской повинности русскіе не допускались въ ряды финскихъ войскъ; русскіе, хотя бы и обладающіе большою недвижимостью, не имѣютъ права голоса ни въ городскихъ, ни въ сельскихъ общинахъ собраніяхъ, несмотря на то, что законъ облагаетъ ихъ подоходнымъ налогомъ въ пользу общины. Русскіе, не состоящіе въ финляндскомъ гражданствѣ, по правамъ торговли приравнены къ иностранцамъ.

Пользуясь тѣмъ, что финляндцамъ предложено было (въ 1885 г.) кодифицировать основные законы Финляндіи, они проектировали новыя положенія, имѣвшія цѣлью поставить государственность Великаго Княжества въ всячаго сомнѣнія и провести болѣе рѣзкую границу между всѣмъ, что касается Финляндіи и что относится къ Россіи. Чтобы внушить иностранцамъ желаемыя понятія, финляндцы озабочились изданіемъ для нихъ особыхъ сборниковъ, въ которые не вносились тѣ основные законы, кои «во всей полнотѣ» являлись не одинаково выгодными для пропагандируемой идеи государственности.

Получивъ Выборгскую губернію, финляндцы прежде всего удалили изъ нея русскихъ. Они систематически желали избавить свой край отъ всего русскаго. Такъ при графѣ Гейденѣ, когда въ Выборгской губерніи имѣлось въ виду основать женское общежитіе (въ Линтулѣ), они заявили, что по древне шведскимъ законамъ воспрещается основывать новые монастыри въ Финляндіи.

Несколько разъ (1864, 1884 и 1905 г.г.) они пытались захватить въ свои руки государственную регалію—телеграфъ, но, получая каждый разъ отказъ, стали на Аландѣ и другихъ островахъ воздвигать мачты для собственного безпроволочного телеграфа.

Не разъ дѣлались шаги къ тому, чтобы на должностіи россійскихъ консуловъ опредѣлять финляндцевъ.

Вотъ въ краткомъ перечнѣ то, что сдѣлано было финляндцами, съ цѣлью обособленія своего края и создания изъ него особаго государства.

Успѣхъ неизмѣнно сопутствовалъ финляндцамъ. Теорія финляндской государственности росла и наслаждалась и мы близки къ тому, что Финляндія добьется отношенія къ Россіи на началахъ личной уніи.

VIII.

Слабость и неустойчивость русской политики.

Въ чём кроется секретъ финляндскихъ успѣховъ? Этотъ вопросъ наводитъ на необходимость пересмотрѣть иѣсколько печальныхъ страницъ прошлаго, раскрывающихъ сюровую правду, которую мы, русскіе, не хотимъ ни понять, ни усвоить для собственнаго назиданія. При чтеніи ихъ, печальная тѣнь слабаго національного самосознанія преслѣдуєтъ насъ въ каждой строкѣ.

Петербургъ былъ и остается главнымъ «операционнымъ базисомъ» всѣхъ окраинскихъ политиковъ. Но Петербургъ—городъ космополитический. Это большое несчастіе Россіи. Крѣпость государства зиждется на сознаніи общности интересовъ всего государства—всей Россіи въ ея цѣломъ. Такого сознанія въ нашихъ министерствахъ и департаментахъ не наблюдается. Нѣть его также въ высшихъ общественныхъ сферахъ, нѣть и въ политическихъ салонахъ столицы. Въ Петербургѣ постоянно царила путаница во взглядахъ на окраины и потому энергичный графъ Паскевичъ въ Польшѣ смѣнялся слабымъ старцемъ княземъ Горчаковымъ; графу М. Муравьеву въ Западномъ краѣ предшествовалъ Назимовъ. Въ Петербургѣ одинаково находили себѣ сильныхъ покровителей и маркизъ Велепольскій, и сенаторъ Мехелинъ, которые свою политику беззастѣнчиво начинали съ гоненія на русскихъ...

Окраинная политика петербургскихъ канцелярій никогда хорошихъ результатовъ не давала и русского имени не подымала. Она только ободряла окраины. «Настанетъ день. Не все еще погибло» — пѣли финляндцы, зная перемѣнчивость русской политики. Русская неустойчивость естественно поддерживала надежды на возможность измѣнить всякую мѣру, принятую по отношенію къ окраинамъ; финляндцы, прибалтіцы, поляки проникались увѣренностью, что дѣйствія правительства исходили изъ случайного настроенія и потому решали противопоставить имъ упорство, выжиданіе и неисполненіе русскихъ повелѣній, впредь до наступленія «лучшихъ временъ». Россію всегда, гдѣ только возможно было, они игнорировали, вѣря въ то, что она «не знаетъ прошедшаго и не имѣть будущаго».

Эпоха попустительствъ окраиннымъ интригамъ должна поэтому миновать. Тушить вспышки окраинскихъ недовольствій подачками и попустительствами — значитъ подливать масло въ огонь. Исторія учитъ, что дѣло поляковъ въ 1863 году было проиграно съ того момента, когда русскіе восчувствовали свое могущество; мятежъ былъ укрощенъ не однѣми только материальными силами, но и моральнымъ авторитетомъ Россіи. Мятежъ прекратился тогда, когда прописки петербургскихъ и варшавскихъ революціонеровъ не въ состояніи были болѣе побороть и свергнуть главнаго начальника Западнаго края. Россія съ того момента вернула уваженіе къ себѣ Европы, когда кн. Горчаковъ сильной нотой далъ достойный отвѣтъ западной дипломатіи. Наше право на окраины «крѣпкое право, оно куплено русскою кровью». «Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу» и въ Польшѣ, и Финляндіи, и на Кавказѣ. Въ состояніи ли русское правительство, — спро-

силь Юрія Федоровича Самарина профессоръ истории Дерптского университета Ширренъ,—дать намъ по крайней мѣрѣ *систему* управлѣнія, хотя-бы притѣснительную, но зато *твѣрдую?* Необходимо установить эту систему, не притѣснительную, конечно, но опредѣленную, иначе окраины будуть для Россіи потеряны.

Вся наша окраинная политика страдала и продолжаетъ страдать колебаніями, непослѣдовательностью, крайностями, разрозненностью въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ. Система окраинной политики до сихъ поръ остается не установленной. Въ ней трудно наблюсти планомѣрность. Все зависитъ отъ случая. Тѣ колебанія, та нерѣшительность и дряблость, которые проявляются въ нашихъ отношеніяхъ къ окраинамъ, имѣютъ двѣ причины: слабость національного духа въ нашемъ образованномъ обществѣ и полное незнакомство съ тѣмъ, что дѣгалось и дѣлается на окраинахъ.

Петръ Великій и Екатерина II знали, чего хотѣли, и опредѣленно шли къ своей цѣли. Петръ «не презиралъ земли родной, онъ зналъ ея предназначенье»... Государственный интересъ онъ ставилъ выше всего. Въ томъ же духѣ и направлениіи дѣйствовала и Екатерина II, которая всегда, черезъ головы своихъ близорукихъ предшественниковъ, оглядывалась назадъ на Петра Великаго, справляясь о томъ, какъ-бы онъ поступилъ въ томъ или иномъ случаѣ.

При воспитаніи Александра I забыли, что «важнѣйшая наука для царей—знать свойства своего народа и выгоды земли своей». Вступивъ на престолъ, Александръ Павловичъ перенесь всѣ свои симпатіи на Европу. Началась печальная эпоха «политики презрѣнія собственной страны во всемъ, кромѣ ея стихійныхъ

силе». «Въ Россіи лучше было быть не русскимъ», выразился кн. Ад. Чарторыйскій. Важнѣйшіе интересы Россіи довѣрены были дипломатамъ, нѣ имѣвшимъ «ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства». Чарторыйскій и графъ Армфельтъ носили русскій мундиръ только для того, чтобы удобнѣе работать для своихъ цѣлей. Одинъ осуществлялъ идею Ягеллоновъ, другой—планы аньяльцевъ. Къ Россіи и ея населенію они питали «непреоборимое отвращеніе».

Въ эпоху Александра I мы потеряли способность понимать и сознавать наши собственные нужды, мы сбились съ національного пути. Намъ грозила тогда

утрата того истиннаго, ирактическаго патріотизма, въ которомъ заключается главная общественная сила.

Академіе да ажинѣюто жиць за ятоакевои да ѿтъ ст҃авкѣвойи ~~ст҃авка~~ иніциа да, атоаки монівнен ѿвкои и фатэйдо амонъяоаао ажонъ

и тои да "которад" и доолвейд отр амот да онто

надто отр ,ишиа II санджаки йіакея амот

«санъи он» амот .ишиа юва да плац оннога дѣпо и «санървнавидѣи не алене ано ,йонкоц пкжэв ажит

отоца ёны ажисто ало ажетин йыккатацдуот виз и пкжиттойд нікодавини п лутъ еж амот да

ни ажонъ паокот азօдер ,зъюи избетом ,II сандж

ка ажуби доккынкто ,зъюннэтозидѣи ажит ,пс

оп ало маджави ,ажот о зонкаки ,зъюнкэе ажтэн

другъ скони пам амот да ажнупо

IX.

Антинациональные течения въ русскомъ обществѣ и правительственныхъ сферахъ.

Начало нашей неудачной политики на Польской и Финляндской окраинахъ положено было также въ царствование Александра I. Изъ окраинъ онъ готовъ былъ создать цѣль инородческихъ 'царствъ, опоясывавшихъ Россію. Изъ Польши образовано было особое государство, хотя многие предвидѣли, что оно явится въ сущности «пороховымъ складомъ». Бессарабія едва не досталась Стурдзѣ, Литва—графу Огинскому и т. д.

Благоразумные люди разныхъ направлений поднимали свои голоса противъ подобного дѣлежа земель, завоеванныхъ русскою кровью, но то были единичныя личности, и протесты ихъ замирали почти безслѣдно въ обширной Россіи. Узнавъ о намѣреніи Государя возстановить Польшу, историкъ Карамзинъ написалъ Его Величеству: «Любите людей, но еще болѣе любите россиянъ, ибо они и люди, и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца... Вы думаете возстановить древнее королевство Польское; но сие возстановленіе согласно-ли съ законами государственного блага Россіи... Можно-ли съ мирною совѣстью отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію, утвержденную соб-

ственность Россіи еще до Вашего царствованія. Не клянутся-ли Государи блести цѣлостъ своихъ державъ... Доселъ напимъ государственнымъ правиломъ было: ни пяди ни врагу, ни другу... Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благодарность безмолвны»... Когда состоялось присоединеніе Выборгской губерніи къ вновь завоеванной шведской Финляндіи, известный Ф. Ф. Вигель, также движимый горячимъ чувствомъ патріотизма, записалъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Какое право имѣете Вы, Государь, безъ боя, безъ всякой видимой причины, не для спасенія цѣлаго государства, а по одному произволу Вашему, отрывать отъ Россіи области не ваши, а Вашими предками и ихъ подданными приобрѣтеныя. Въ исторіи народовъ найдите другой примѣръ столь несправедливому дѣйствію»... Ф. Ф. Вигель кончаетъ тѣмъ, что называетъ сдѣланное «измѣной Россіи»... Особенно выдѣляется заявленіе главы декабристовъ П. П. Пестеля. Въ немъ дѣйствія Императора Александра I въ Финляндіи также вызвали «внутренній ропотъ»; онъ находилъ, что не было основанія давать Финляндіи «привилегированаго положенія *status in statu*, такъ какъ она никогда не пользовалась «самостоятельною независимостью и на будущія времена не должна составлятьособаго государства». Пестель отвергалъ всякое федеративное устройство и признавалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ «ввести во всѣ части Финляндіи тѣ законы и тотъ образъ правленія, которые для самихъ губерній российскихъ приготовляютъ... Надлежитъ ввести въ Финляндіи российскій языкъ, устраивая для сего училища и принимая другія къ той-же цѣли ведущія мѣры». Пестель шелъ еще далѣе и проектировалъ включеніе Финляндіи въ составъ Чудской области съ областнымъ городомъ Петроградомъ.

Исторія даетъ много доказательствъ того, что заносчивому отношенію окраинъ къ русской народности не мало содѣйствовали мы сами. Объ открытіи сейма въ Варшавѣ (1818 г.) И. Ф. Паскевичъ писалъ: «Въ Варшавѣ русскихъ какъ-будто вовсе не было, мы всѣ через-чуръ стушевались... нась, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ; вездѣ первенствовали поляки» (Шильдеръ, IV, 94—95). На одномъ изъ смотровъ въ Варшавѣ, на которомъ по обыкновенію захваливалось польское войско, Паскевичъ подошелъ къ графу Милорадовичу и графу Остерману и спросилъ: «Что изъ этого будетъ?» Графъ Остерманъ отвѣтилъ: «А вотъ что будетъ: что ты черезъ 10 лѣтъ со своей дивизіею будешь ихъ штурмовать». Пророчество оправдалось. Та-же исторія повторялась на другихъ окраинахъ. Когда ордунгсрихтеръ (капитанъ исправникъ), встрѣчая князя А. А. Суворова въ Прибалтійскомъ краѣ, началъ рапортовать по-русски, князь прервалъ чиновника съ упрекомъ: «Зачѣмъ вы не говорите на своемъ родномъ нѣмецкомъ языке?» Благодаря одному подобному заявлению, официальное первенство русскаго языка было сразу устроено. «Добрый вельможа» дорожилъ только аттестаціей Паленовъ да Мейendorфовъ... Въ 1835 году Николай Павловичъ сказалъ, между прочимъ, полякамъ: «Императоръ Александръ I сдѣлалъ для васъ болѣе, чѣмъ слѣдовало сдѣлать русскому Императору («я говорю это потому, что такъ думаю»): онъ осыпалъ васъ благодѣяніями и былъ расположенъ къ вамъ болѣе, чѣмъ къ собственнымъ подданнымъ».

Царствованіе Императора Николая I принесло съ собою нѣкоторую сдержанку сепаратистскихъ тенденцій; но прочного поворота не произошло, а къ шестидесятымъ годамъ антинаціонализмъ и сепаратизмъ сдѣлались уже модными. Сѣраковскій и Лавровъ вели почти открыто

свою пропаганду въ учебныхъ заведеніяхъ. Огризко занималъ мѣсто вице-директора въ министерствѣ финансовъ и громко говорилъ, что работаетъ одновременно для торжества революціи и для польского возстанія. Мы считали себя недостойными и стыдились подчинить будто-бы европейски-культурное населеніе Царства Польскаго своему «варварскому государству»... По отношенію къ Польшѣ считалось, кромѣ того, необходимымъ «загладить преступленія ея раздѣла». Начало мятежа 1863 года надо искать въ общемъ политическомъ настроеніи нашего интеллигентнаго общества. Герценъ въ своихъ изданіяхъ и Краевскій въ своемъ «Голосѣ» одинаково требовали пассивности и терпимости въ национальныхъ вопросахъ. Это дѣлалось во имя культа къ либеральному западу... Министръ Валуевъ гораздо болѣе сердился на партію русскихъ—Муравьевъ и Каткова,—чѣмъ на поляковъ въ польскомъ вопросѣ. У Валуева не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства. Князь А. А. Суворовъ въ Зимнемъ дворцѣ, со свойственными ему распашкою въ рѣчи и безцензуристою выраженій, кричалъ во всеуслышаніе о необходимости дать этимъ «бѣднымъ полякамъ вздохнуть свободнѣе и облегчить имъ ненавистное иго русскаго чиновника...» «Русское чувство было совершенно непонятно значительной части влиятельныхъ лицъ. Мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа казалась узко-национальной...

X.

Развитіе ученія о финляндскомъ государствѣ и неосвѣдомленность русскаго правительства.

По завоеваніи Финляндіи, желаніе поставить новыхъ подданныхъ въ такія условія, чтобы они «благословляли Провидѣніе, создавшее новый порядокъ», привело къ тому, что на вновь присоединенную окраину, какъ изъ рога изобилія, сыпались милости и привилегіи, права и всякія исключительныя выгоды. Строители Русскаго царства точно забыли тогда, что права должны сопровождаться обязанностями и что, помимо признательности, необходимо закрѣпить новыя земли общими государственными учрежденіями и какими-нибудь реальными узами съ новой метрополіей, подобно тому, какъ это сдѣлала Швеція, дававшая Финляндіи своихъ правителей, чиновниковъ и офицеровъ, устроившая въ ней школы, суды и администрацію, а также требовавшая посылки финскихъ депутатовъ въ свой шведскій риксдагъ въ Стокгольмъ и финскихъ войскъ—на любой театръ военныхъ дѣйствій. Мѣстная школа оставлена была нами безъ малѣйшаго русскаго призора, и въ ней во дворились учебники Топеліуса, Шюбергсона и др., которые почти совершенно исключили изъ своихъ описаний Россію. Въ дѣлѣ воспитанія стали господствовать исключительно стихи Рунеберга, собранные въ патріо-

тическіе сборники «Разсказовъ Фенрика Столя». Печать, края также осталась безъ русскаго литературнаго корректива. Газеты долго и безпрепятственно подбирали факты, отрицательно характеризовавшіе жизнь Россіи. Вопросъ-же о зависимости Финляндіи отъ Россіи онъ старательно обходили. На всю обширную окраину назначался одинъ только русскій генералъ-губернаторъ, но и толькъ «шагу не могъ ступить безъ переводчика» и лишенъ былъ фактической возможности засѣдать въ сенатѣ за незнаніемъ шведскаго языка.

При подобныхъ условіяхъ зарождавшеся ученіе о финляндской государственности ни въ чёмъ не встрѣтило отпора и противодѣйствія. Русская власть едва знала о существованіи новой теоріи и не отдавала себѣ вполнѣ яснаго отчета о вредныхъ ея послѣдствіяхъ. Въ Россіи на все происходившее въ финляндской окраинѣ какъ бы согласились смотрѣть исключительно черезъ финляндскія очки. У трона для докладовъ и освѣщенія дѣлъ окраины былъ поставленъ министръ статьѣ-секретарь изъ финляндцевъ, при генералъ-губернаторѣ находился финляндскій правитель канцеляріи; при военномъ министрѣ состоялъ особый финляндскій генералъ.

Огромную роль въ исторіи разобщенія Финляндіи отъ Россіи сыгралъ поэтому статьѣ-секретаріатъ. Графъ Густавъ Армфельтъ, истинный организаторъ сего учрежденія, поддерживалъ мысль о присоединеніи къ Финляндіи Выборгской губерніи, которая со временъ Петра Великаго успѣла значительно обрусьть. Въ статьѣ-секретаріатѣ, за спиной генералъ-губернатора, составлялись проекты важнѣйшихъ реформъ по устройству управлѣнія края; по интригамъ въ петербургскихъ сферахъ смынялись генералъ-губернаторы, когда они становились въ оппозицію государственнымъ домогательствамъ финляндцевъ. Въ статьѣ-секретаріатѣ округлялись и шлифова-

лись отчеты такъ, чтобы они не давали повода русской власти вмѣшиваться въ дѣла Финляндіи. Въ борьбѣ съ генераль - губернаторами министры статсь - секретари имѣли надежный резервъ въ особомъ финляндскомъ комитетѣ. Словомъ, въ послужномъ спискѣ статсь-секретаріата значится длинная серія разныхъ провинностей, изъ которыхъ извлекла пользу для себя Финляндія, а въ результатахъ которыхъ Россія оказывалась обойденной. Министрамъ статсь-секретарямъ было важно довѣrie Монарховъ, которымъ можно было пользоваться для сепаратистскихъ цѣлей. Статья-секретаріатъ оказался, такимъ образомъ, точно специально созданнымъ для того, чтобы парализовать дѣйствія единственного представителя русскихъ интересовъ на окраинѣ—генераль-губернатора.

Поразительно равнодушіе русского правительства и общества къ собственнымъ интересамъ! Въ Финляндіи происходили разныя движенія, а мы,—по замѣчанію Я. К. Грота, — смотрѣли на нихъ «равнодушно и праздно», не овладѣли ими и «не дали имъ направленія по своимъ видамъ». Финноманія крѣпла, а о «руссоманіи» или «rossianствѣ» ничего не было слышно, точно Финляндія не составляла части русского царства. Правъ былъ также и финляндскій сенаторъ Гартманъ, указавшій на то, что въ Финляндіи до послѣдняго времени почти не было «ни одного русского, который бы достойно представлялъ своихъ соотечественниковъ и игралъ какую нибудь роль въ обществѣ». И дѣйствительно, большинство русскихъ генераль-губернаторовъ были люди весьма посредственныхъ способностей и не проявляли охоты сдѣлать что-нибудь полезное для русского государства. Наши офиціальные представители русского дѣла являлись въ большинствѣ случаевъ не согрѣтыми живой національной идеей, какъ не была

ею согрѣта и руководящая политика. Эти нейтральные люди попадали немедленно въ ловко разставленыя со всѣхъ сторонъ сѣти интриги и мимовольно работали во вредъ государству, удаляли отъ себя неофиціальныхъ, но одушевленныхъ національной идеей русскихъ дѣятелей... Бывало и такъ, что представитель государственной власти служилъ самъ дѣлу анти-русскому; все было. По безтактности и несчастной привычкѣ нашихъ администраторовъ отрицать цѣлесообразность трудаъ своихъ предшественниковъ, то немногое, что было сдѣлано для государственного объединенія Финляндіи съ Россіей, топталось и отмѣнялось преемниками. Не успѣлъ, напримѣръ, закончить своихъ русскихъ насажденій Н. И. Бобриковъ, какъ кн. Оболенскій и д. т. с. Герардъ вырвали ихъ съ корнемъ, не будучи сами въ состояніи замѣнить ихъ чѣмъ-либо лучшимъ и полезнымъ.

А между тѣмъ, финляндскіе статьи-секретари всѣ до единаго терпѣливо и настойчиво работали по одному и тому же плану. Вглядываясь въ ряды финляндскихъ дѣятелей, не замѣчаешь между ними никакой разницы. Личные свойства ихъ точно исчезаютъ и выступаетъ впередъ одна и та же система. И кажется, будто въ теченіе 90 лѣтъ на мѣстѣ статьи-секретаря Финляндіи сидѣло одно и то-же лицо... Не мудрено, если при такихъ условіяхъ Финляндія все болѣе и болѣе отчуждалась отъ государственного тѣла Россіи и становилась для насъ какою-то далекой невѣдомой страной.

Мы, русскіе, какъ бы боимся оглушительного гама иностранныхъ злословій. Нѣть въ нась сильной мысли, твердой воли, живого патріотического чувства, которое сообщалось бы другимъ. Мы часто драпируемся въ какой-то особенно абстрактный и пустой либерализмъ. Финляндцы, поляки, нѣмцы и др. могутъ провозглашать: «Финлян-

дія для финновъ», «Польша для поляковъ», а у насъ формула «Россія для русскихъ» громко и презрительно осмѣивается.

При такой политикѣ, конечно, нельзя было разсчитывать на успѣхъ русскаго дѣла на окраинахъ. Съ разныхъ окраинъ слышались заявленія, которыхъ не перенесла бы ни одна уважающая себя европейская держава. «Лифляндія собственно вовсе не русская губернія, это—западная протестантская страна». Въ Финляндіи на сеймѣ 1877 и 1878 г.г. возвели въ непрекаемую истину слѣдующія невѣроятныя положенія: «Престолъ можетъ быть въ опасности, какъ въ горахъ Кавказа, такъ и на равнинахъ Польши и у береговъ Финляндіи, но выводить финскую армію изъ Финляндіи ни подъ какимъ условіемъ нельзя». «Мы не согласны принять воинской повинности для защиты Россіи, для отстаиванія родины и политическихъ интересовъ русскихъ». Финское войско не обязано защищать Имперію—таковъ общій выводъ изъ сеймовыхъ рѣчей. «Россія можетъ оказаться вынужденною вооруженною силою разрѣшать разнообразныя столкновенія, не имѣющія ничего общаго съ интересами Финляндіи, и въ такихъ случаяхъ несправедливо посыпать сыновъ Финляндіи умирать въ далекую Арменію и Хиву. Финляндія вовсе не обязана принимать активнаго участія во всѣхъ войнахъ Имперіи. всякая трата силъ для болѣе обширныхъ цѣлей Россіи несовмѣстима съ задачею финского народа».

Наша слабость въ проведеніи на окраинахъ своихъ государственныхъ и національныхъ основъ естественно вызвала въ инородцахъ замѣтное высокомѣріе. Для финновъ, шведовъ, эстовъ, лотовъ и для нѣмцевъ духовное отечество—на западѣ. Остзейскую провинцію нужно сохранить для германизма «въ чаяніи лучшихъ

временъ», говорять на этой окраинѣ Россіи. Финляндія—форпостъ, выдвинутый Скандинавіей противъ варварства востока. (Соч. Mankell. «Замѣтки о финской арміи и финляндской военной исторіи». Стокгольмъ 1870 г., 2 часть стр. 406). Миссія шведовъ заключается въ томъ чтобы, при посредствѣ скандинавской культуры, оберечь край отъ славянской волны. На западѣ также установился взглядъ на Финляндию, какъ «сѣверо-восточный форпостъ германизма».

XI.

Источники благосостояния Финляндіи.

Въ числѣ причинъ развитія финляндской культуры одною изъ главныхъ является незначительность той тягости воинской повинности, которую несло до сего времени финское населеніе. Она составляется изъ тягости личной и денежной, и обѣ онъ для Финляндіи всегда были изумительно облегчены. При шведскомъ владычествѣ въ краѣ, когда населеніе въ Финляндіи не достигало и полумилліона, финны обязаны были выставлять болѣе 13 тысячъ человѣкъ въ ряды войска, т. е. около 3% всего населенія отдавать въ распоряженіе шведскаго правительства, ведшаго нескончаемыя войны со своими сосѣдями. Въ 1808—1809 г.г. Финляндія, воюя съ нами, содержала около 22 тысячъ подъ ружьемъ. Едва она перешла въ русское подданство, какъ была до 1812 г. совершенно [освобождена отъ обязательства держать войско, а затѣмъ, хотя и содержала егерскіе полки, стрѣлковые и поселенные батальоны, но въ самомъ ограниченномъ количествѣ; напримѣръ, съ 1830 по 1846 г.—всего 2 тысячи человѣкъ, а съ 1868 по 1881 годъ только одинъ гвардейскій батальонъ. Въ Россіи же всеобщей воинской повинности перешли въ 1874 году, а въ Финляндіи только въ 1881 г. Россія выставляла 36 человѣкъ съ тысячи, а

Финляндія только 9 человѣкъ (и то лишь съ 1889 года, а раньше выставляла еще меньше).

«Но это пока только часть военного дѣла. Въ послѣднія десятилѣтія Россія должна была расходовать на военное дѣло отъ 24 до 28 процентовъ своего бюджета, а счастливая Финляндія отсчитывала на то же дѣло только около 16 процентовъ, а съ 1862 г. по 1870 г. не болѣе $6\frac{1}{2}$ проц. За пятилѣтіе съ 1894 г. по 1898 г. на военные надобности въ Россіи на душу населенія падало расходовъ на 2 р. 83 к., а въ Финляндіи только 1 руб. 35 коп.

«Было-бѣ интересно подсчитать тѣ миллионы, которые финны сберегли при указанныхъ условіяхъ. Призывая въ ряды войска въ четыре раза меньше людей, чѣмъ въ Россіи, они имѣли возможность сохранить для своей земли многія сотни тысячъ рабочихъ рукъ и сберечь въ своей общественной кассѣ многіе миллионы рублей. Всльдствіе того, что на каждого финляндца приходилось почти на полтора рубля меньше военныхъ расходовъ, чѣмъ на душу коренного населения Россіи, финляндская казна сберегла за четверть вѣка по крайней мѣрѣ 50—60 миллионовъ рублей. При маленькомъ бюджетѣ Финляндіи все это—колоссальные суммы.

«Говоря о военныхъ расходахъ, нельзя обойти молчаніемъ вопроса о постой русскихъ войскъ въ Финляндіи, приносящемъ населенію немалые барыши. По исчислению профессора Яснопольского, чистый расходъ русского государственного казначейства въ Финляндіи опредѣляется ежегодно почти въ $3\frac{1}{3}$ милл. руб. Чтобы понять значеніе этой цифры, допустимъ, что изъ указанного количества на постой войска причитается $2\frac{1}{2}$ милл., а остальные расходуются на русскія школы и другія надобности, то и въ такомъ случаѣ эти $2\frac{1}{2}$ милл. замѣняютъ для Финляндіи богатѣйшіе золо-

тые пріиски. Дѣйствительно, приливъ золота въ годъ на 2 милл. руб. составляетъ примѣрно по 1 р. 15 к. на каждого жителя Финляндіи, тогда какъ Россія добывала золота въ годъ на 27 милл. руб., что на каждого жителя составляло только 33 коп. Итакъ, Финляндія благодаря только постою въ ней русскихъ войскъ, получала изъ Россіи золота, относительно населенія, почти въ $3\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ Россія со всѣхъ своихъ золотыхъ пріисковъ.

«Чрезвычайные расходы военного времени при многочисленныхъ войнахъ, которыя вела Россія въ XIX в., совершено не касались Финляндіи. Между тѣмъ, очевидно, пріобрѣтенныя войнами выгоды распространялись на все государство, въ томъ числѣ и на Финляндію. Русско-японская война не потребовала отъ Финляндіи жертвъ. Между тѣмъ государственный долгъ возросъ на три миллиарда рублей.

«Въ 1865 году Финляндія получила свою монету. Сперва ея марка равнялась 25 коп., но съ теченіемъ времени нашъ курсъ въ Финляндіи дошелъ до 60 коп. за рубль. Ясно, что игра на курсѣ не обошлась безъ выгодъ для края. Русскіе серебряные рубли въ то время покупались за 60 коп., а сдавались въ русское казначейство въ Гельсингфорсъ за 100 коп. Послѣ-же 1893 г. финляндская казна стала получать за каждыя 4 финскихъ марки $1\frac{1}{2}$ русскихъ рубля.

«Въ 1867 году финляндцамъ нужно было провести желѣзную дорогу до Петербурга. Денегъ у нихъ не было. Чтобы облегчить имъ дорогую постройку девять поселенныхъ батальоновъ было упразднено, а сбереженіями отъ нихъ разрѣшено было погашать желѣзно-дорожный заемъ.

«Въ 1856 г. финляндцамъ нужно было устроить пароходное сообщеніе вдоль своихъ береговъ, вплоть

до Петербурга, и изъ Русскаго Государственнаго Казначейства приказано было ежегодно выдавать на это предпріятіе субсидію въ 200.000 руб. Субсидія выдавалась аккуратно до 1874 года.

«Въ пажескомъ, морскомъ и военныхъ корпусахъ, а также въ Смольномъ институтѣ имѣются спеціальные казенные вакансіи для финляндскихъ гражданъ и кромѣ того на Фридрихсгамскій корпусъ отпускалась ежегодно сумма для оплаты 20 стипендій.

«Суда русскаго флота зарегистрируются въ Финляндіи въ числѣ иностранного флота и потому имъ приходится платить большія портовыя пошлины, чѣмъ финляндскимъ, несмотря на то, что они плаваютъ подъ однимъ русскимъ флагомъ.

«Генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ хотѣлъ ввести на финляндскихъ желѣзныхъ дорогахъ пятикопѣчный сборъ въ пользу Краснаго Креста; финляндцы отказались, а Красный Крестъ не поддержалъ начальника края.

«За заграничные паспорты финляндцы платятъ также меныше, чѣмъ русскіе, всего 3 руб. (или 8 мар.) за пятилѣтній паспортъ, а мы—10 руб. за полугодовой.

«Въ 1810 году для финляндскаго банка отпущенъ былъ 1 милл. руб. заемообразно, но безъ всякихъ процентовъ.

«Въ 1811 году Финляндія получила цѣлую Выборгскую губернію и съ тѣхъ поръ доходы съ губерніи поступаютъ не въ русскую, а въ финляндскую казну.

«Финляндія разрѣшила устроить по Петербургской губерніи, отъ Бѣлоострова до столицы, желѣзнодорожный участокъ, который является самымъ доходнымъ изъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ края, благодаря преимущественно наплыву дачниковъ въ лѣтнее время.

«Въ 30 верстахъ отъ столицы Импераи находится финляндская таможенная линія. Таможенный доходъ является главной статьей поступлениія по росписи Великаго Княжества. Сумма дохода достигаетъ уже 30 милл. марокъ и вся она отдается на нужды края, а не относится къ общегосударственному достоянію. Чтобы не распространяться о значеніи таможни, укажемъ только на тотъ фактъ, что статсь-секретаріатъ въ семидесятыхъ годахъ призналъ необходимымъ не показывать въ отчетѣ управлениія Финляндіи цифровыхъ данныхъ въ общихъ и таможенныхъ доходахъ края, дабы эти данные не послужили поводомъ русскому правительству вмѣшиваться въ дѣла Великаго Княжества. Когда позднѣе въ мѣстной печати запла рѣчь о той-же таможнѣ, то финляндцы заявили, что никогда не откажутся отъ таможенныхъ доходовъ страны.

«Страна безпримѣрныхъ льготъ и привилегій не участвуетъ въ уплатѣ государственного долга Импераи, вызванного преимущественно надобностями охраны границъ; она не расходуетъ ничего на министерство иностранныхъ дѣлъ, оберегающее интересы Финляндіи; она не знаетъ расходовъ по министерству Двора и по морскому министерству,—что вмѣстѣ составляетъ ежегодно около $6\frac{1}{2}$ милл. руб.—Давно-ли, напримѣръ, Россія единовременно отпустила на постройку флота 90 милл. рублей и въ этомъ расходѣ Финляндія не приняла участія ни единой полушкой» ¹⁾.

Въ 1863 г. для усиленія обороны Финляндіи учреждалась флотилія на внутреннихъ ея озерахъ. Для покрытия расходовъ по постройкѣ для нея пароходовъ и баржъ послѣдовало ассигнованіе 145 тыс. руб. изъ Государственного Казначейства.

1) М. Бородкинъ. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи.

Мы не говоримъ уже о денежной помощи, оказанной гельсингфорскому университету и о другихъ пособіяхъ и выдачахъ по разнымъ болѣе или менѣе экстреннымъ случаямъ. Но нельзя не повторить, что послѣдняя Японская война сильно увеличила долгъ Россіи. Финляндія, не принявшая никакого участія въ этой войнѣ¹), почему-то не принимаетъ въ извѣстной долѣ участія и въ погашеніи новаго государственного долга Имперіи, частью которой эта провинція является съ 1809 г.

При указанныхъ условияхъ и льготахъ Финляндія
легко богатѣть и развивать свою культуру.

— аз газын үмдөөдүгү түрдөлөп күнүүдүүн өн жиңиң
вэлдэй катаркынай отын — С — та костякынын узт-
-вт эж-бет сарыдь зындаа нэрээн бонтой ийн энчид-
-виле он эхтэлне отр. шинийн индигурвиш от «Анжой»
— Миссэ автогодој ажлынекомж ато рүүдэж
ен шүүхлианды и «сталин»-ын подчиненчеди ОГПУ
— дэлхийн эхийн санжиртсэгийн түүрүү аж агуулж
ишигээхэд негтоондоорын онцлогччын энчилжсан
овтуулжсанын да олонхи агентлөөвдэй энэ «спецст-
-ріднінайф» мэдэвти энчилжээдээ, эндээ ажлын строони
он и вэсвэл читээ болон нийн он гаадатовд атэшияа энэ вно-
-чижээтэй хактээ замаа отгүй, читээжийн үмдээдүк
— «Джиппер», «В-100» и др. гэхм. Аль олоо андол
этгээдүүгээсээжийн энчилжсанын хувьтойчидын
вэлжинийн түүхийн эхийн түүхийн эхийн түүхийн

С «Полицейской книжкой на выдачу зеков»
предписано вручение книжки № 1283 в
всех случаях когда зекам предстоит
выезд из колонии в связи с исполнением
им обязанностей по дежурству, охране и
заключении в тюрьму

¹⁾ Въ 50-е годы финляндскіе китоловы получили разрѣшеніе промышлять въ Тихомъ Океанѣ.

XII.

Царствование Императора Александра II.

Наибольшихъ успѣховъ въ дѣлѣ развитія своей государственности финляндцы достигли въ царствованіе Императора Александра II. Рѣчь, которою Государь открылъ сеймъ 1863 года, пробудила ихъ надежды. Государь не только упомянулъ о «конституціонной монархіи», но обѣщалъ расширить права земскихъ чиновъ по разнымъ существеннымъ вопросамъ. Его Величество предлагалъ финскому народу доказать, что «либеральные учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Въ 1869 году Финляндія получила сеймовой уставъ. Онъ явился «краеугольнымъ камнемъ нашего государственного устройства», заявила финляндская печать. Уставъ весьма значительно расширилъ права народного представительства, которое въ результатѣ привело къ созданию длиннаго ряда законовъ, отдалявшихъ финновъ отъ русскихъ и разобщавшихъ окраину отъ центра.

Еще раньше сеймового устава Финляндія получила свою отдѣльную монету, а затѣмъ (въ 1878 году) перешла къ золотой валютѣ и, благодаря этому, совершенно обособилась въ финансовомъ отношеніи отъ Рос-

сіи, занявъ положеніе иностранной державы по отношенію къ русской биржѣ. Финляндскій историкъ, разсказавъ ходъ монетной реформы, прибавляетъ, что Императоръ, усмотрѣвъ всѣ послѣдствія преобразованія, сказалъ: «On a escamoté mon consentement» («у меня выманили мое согласіе». Эдв. Бергъ, *Vår Styrelse*; т. II, стр. 15).

Въ 1878 году утвержденъ былъ для Великаго Княжества Финляндскаго отдѣльный уставъ о воинской повинности, который узаконилъ полную обособленность финскихъ войскъ отъ русской арміи, такъ какъ § 120 устава воспрещалъ русскимъ людямъ службу въ рядахъ финскихъ баталіоновъ. Военный министръ, гр. Д. А. Милютинъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, излагалъ свои соображенія о томъ, что Финляндія не должна имѣть своей отдѣльной вооруженной силы. Общественное мнѣніе въ Россіи также требовало тогда, чтобы финляндцы несли военную службу наравнѣ съ прочимъ населеніемъ Имперіи. Однако, все кончилось тѣмъ, что финскія войска по управлению, устройству, по военно-судной части, по традиціямъ и обычаямъ сдѣлались совершенно чуждыми намъ войсками, а тягость личной и финансовой стороны этой повинности была облегчена для нихъ въ четыре раза. Такъ какъ финляндскіе политическіе дѣятели не выразили ни малѣйшаго желанія охранять неприкословенность всей Имперіи, то новой организаціи финскихъ войскъ лучше было вовсе не допускать и «интересы Россіи, въ сущности,—какъ выразился гр. Д. А. Милютинъ,—были бы болѣе обеспечены продленіемъ безоружнаго положенія края, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ населеніи Финляндіи не утвердится сознаніе въ полной солидарности политическихъ и экономическихъ ея интересовъ съ интересами Россіи».

Финляндскій сеймъ, выработавъ (въ 1878 г.) проектъ новаго устава о воинской повинности, пожелалъ добиться его утвержденія помимо даже военнаго министра. Государь, однако, повелѣлъ запросить его мнѣнія. Заключенія сейма и сената были переданы гр. Д. А. Милютину, но изъ нихъ временно были вычеркнуты весьма существенныя строки о признаніи части устава основнымъ закономъ Финляндіи. Благодаря такому приему, министръ статсъ-секретарь легче добился согласія военнаго министра на утвержденіе устава.

Въ указанномъ-же выше антирусскомъ направлениі проводились и остальные преобразованія Александра II, т. е. главнѣйшія изъ нихъ содѣствовали обособленію Финляндіи отъ Россіи, а не сближенію сихъ неразрывныхъ частей. Въ 1857 году, напримѣръ, учрежденъ былъ при статсъ-секретаріатѣ комитетъ финляндскихъ дѣлъ, который явился новымъ сильнымъ «разобщителемъ», ибо придуманъ былъ въ сущности съ исключительной цѣлью укрѣпить ministra статсъ-секретаря въ его борьбѣ съ генералъ - губернаторомъ. — Вскорѣ гр. Армфельтъ, почувствовавъ болѣе твердую почву подъ собой, сосредоточилъ въ финляндскомъ статсъ-секретаріатѣ даже цензуру надъ русскими статьями о Финляндіи!

Русскій языкъ, водворявшійся въ мѣстной школѣ въ теченіи предыдущихъ царствованій, признанъ былъ почти ненужнымъ и потому учебныя заведенія края были «эмансипированы отъ насильственаго его изученія». Государственному языку, какъ писали тогда, была оказана большая услуга: «его избавили отъ тяжкаго бремени презрѣнія и нерасположенія». Руками русскаго правительства выдвигался болѣе впередъ языкъ финновъ, чѣмъ государственный языкъ Имперіи.

Съ шестидесятыхъ годовъ замѣтно усилилось братанье финляндцевъ со шведами и мечты «о съверномъ культурномъ единеніи, какъ основъ для соціального и, можетъ быть, также политического союза съверныхъ народовъ», какъ выражался профессоръ гельсингфорсского университета К. Эстландеръ. Мысль объ учрежденіи изъ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи Съверныхъ Соединенныхъ Штатовъ съ тѣхъ поръ никогда не оставлялась въ скандинавской литературѣ.

Лично Государь никогда не забывалъ необходимости сближенія Финляндіи съ Россіей, что сказалось въ его многочисленныхъ резолюціяхъ, требовавшихъ по текущимъ дѣламъ предварительного заключенія соответствующихъ министровъ Имперіи. Но его ближайшіе сотрудники по Финляндіи—ловкій и вкрадчивый графъ А. Армфельть, а также лично преданный Монарху, но недальновидный и вялый графъ Н. В. Адлербергъ,—были проникнуты противоположными воззрѣніями. Много политическихъ правъ удалось получить за это время финляндцамъ, однако, особой конституціи Александръ II не утвердилъ для края, несмотря на всѣ старанія мѣстныхъ дѣльцовъ.

Эпоха царствованія Императора Александра II настолько окрылила надежды финляндскихъ обособленниковъ, что вызвала тревогу въ представителѣ русской государственной власти. «Въ послѣднее время,—доносиль генераль-губернаторъ Рокасовскій Государю (въ маѣ 1865 г.),—многое измѣнилось въ здѣшнемъ обществѣ, явились новые понятія о самостоятельности края, стремленіе къ сепаратизму и неуклонное желаніе обеспечить будущность. Испрошены были мало-по-малу и систематически разныя уступки, сами по себѣ незначительныя, но которыхъ, наконецъ, довершили отдѣленіе Великаго Княжества отъ Имперіи». Это послѣднее

обстоятельство, на которое указывает Рокасовский, было возможно исключительно потому, что новые законопроекты не проходили ни одного изъ центральныхъ управленийъ Россіи и нигдѣ поэтому съ русской государственной точки зрењія не оцѣнивались и въ гармонію съ русскими законами не приводились.

XIII.

Фінляндськія політическія партії.

Первоначально поспѣшъ завоеванія Фінляндіи, політика нструюющія мечтанія сосредоточивались въ небольшой группѣ лицъ дворянскаго сословія, да въ университетскомъ кружкѣ. Начиная же съ шестидесятихъ годовъ, одновременно съ реформами Александра II, политическія настроенія получаютъ широкое распространеніе и опредѣленно выдигаются со своими программами слѣдующія политическія партіи: финноманы (старофинны), шведоманы и младофинны.

На первомъ мѣстѣ шведоманской программы стоитъ защита шведскаго языка и шведской національности; такимъ образомъ оказывается, что они борются за сохраненіе шведскихъ формъ жизни и шведскаго образования на русской окраинѣ среди финскаго населенія. Шведоманы болѣе другихъ ратовали за политическія права Фінляндіи и за парламентарный образъ правленія. Они систематически работали за расширеніе правъ сейма и за подчиненіе ему всего законодательства. Они добивались, наконецъ, «большой опредѣленности въ уніальному отношеніи къ Россіи», какъ значится въ ихъ программѣ.

Финноманы ставили своей задачей пріобщить народную массу къ европейской культурѣ, чтобы такимъ

образомъ увеличить производительныя силы края, какъ въ материальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Для этого они хотятъ сдѣлать языкъ народа языкомъ литературы, образованія и администраціи. Народъ,— по ихъ воззрѣніямъ,— долженъ быть движимъ однимъ чувствомъ, почему нуженъ одинъ языкъ, доступный всѣмъ. Финноманы стремятся создать образованный классъ, который бы говорилъ по-фински. Образованіе не должно являться монополіей высшаго общества, и для того, чтобы оно проникло въ низшіе классы, необходимо признаніе права языка, на которомъ говоритъ народъ. Господство же одного языка и притомъ еще меньшей части населенія Финляндіи (т. е. шведскаго),— по воззрѣніямъ финномановъ,— волющая несправедливость и тормазъ въ дѣлѣ развитія народа. Въ Финляндіи пока еще большинство служило сословіемъ— шведы; администрація направляется шведами, законодательные работы подготавливаются по-шведски, правосудіе отправляется преимущественно судьями изъ шведовъ — и всѣ эти администраторы, законодатели и судьи остаются въ значительной мѣрѣ чуждыми массѣ народа.

Отъ старофинноманской партіи отдѣлилась фракція, получившая название младофинноманской. Къ ней примкнули всѣ тѣ финноманскіе элементы, которые были недовольны умѣренностью старыхъ финномановъ въ національныхъ вопросахъ, узкимъ консерватизмомъ въ религіозныхъ вопросахъ, наконецъ, ихъ «непониманіемъ демократическихъ требованій времени».

Вслѣдствіе раскола въ финской партіи, одни стали именоваться старофинноманами, а другое — младофиннами.

Младофинны требовали расширенія какъ народнаго представительства, такъ и общиннаго самоуправленія.

Они желали, чтобы финскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ центральныхъ управлений, съ тѣмъ только, чтобы бумаги, касающіяся шведскаго населенія, писались по-шведски. Церковь должна проникнуться истинно протестантскимъ духомъ, т. е. принципами свободы совѣсти и свободы изслѣдованія. Обязательную конфирмацию слѣдуетъ отмѣнить. Въ экономической области младофинны всегда стремились къ развитію прогрессивнаго обложенія, къ равномѣрному распределенію земельнаго налога, къ свободѣ промысловъ, къ развитію самодѣятельности рабочаго класса и улучшенію его материальнаго положенія.

Въ послѣднее время шведоманы и младофинны соединились въ одну политическую группу, которая носитъ название «конституціоналистовъ». Ихъ объединила главнымъ образомъ борьба съ русскими мѣропріятіями. Когда повелѣно было подчинить почту края министру внутреннихъ дѣлъ, а уголовное уложеніе было временно приостановлено, младофинны запротестовали особенно рѣзко, опасаясь, что русское правительство создастъ нежелательный «преодоликатъ» для введенія другихъ реформъ въ Финляндіи.

Финноманы находятся въ безпрерывной борьбѣ съ шведоманами по вопросамъ внутренней политики и прежде всего языка. Но когда нужно было дать отпоръ русскому правительству, всѣ партіи края дѣйствовали дружно между собою. Вмѣстѣ онѣ вырабатывали (въ 1878 г.) такой уставъ о воинской повинности, который бы не далъ возможности слить финскія войска съ русскими. Вмѣстѣ онѣ протестовали противъ русского проекта устава о воинской повинности, на сеймѣ 1899 года. Однаково обѣ партіи признаютъ Финляндію за отдельное государство. Въ основу бытія Великаго Княжества финноманы положили исключительно

начала шведской государственности. Вследствие этого финноманы прониклись, такъ-сказать, шведоманской «враждебностью къ русской государственной идеѣ». Это господство шведоманскихъ началъ въ политическихъ воззрѣніяхъ финского общества затрудняетъ для русской власти возможность пользоваться дѣятелями финноманского лагеря при осуществлѣніи общегосударственныхъ задачъ. Шведоманы-же въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ такимъ образомъ союзниковъ въ своихъ политическихъ врагахъ—финнахъ. Но тѣмъ не менѣе между старофиннами и шведоманами въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи наблюдается замѣтная разница. Старофинны болѣе признаютъ подчиненность Финляндіи Россіи, а въ иѣкоторыхъ практическихъ вопросахъ склоняются къ возможности сближенія съ русскимъ народомъ и государствомъ, насколько такое сближеніе не является опаснымъ для финской національности. Противодѣйствіе русскому языку также проявлено было весьма различно: старофинноманы понимали значеніе сего языка и сознавали необходимость и права русского правительства на введеніе его въ дѣлопроизводствѣ сената, другая же политическая партія въ своемъ ослѣпленіи возстали противъ сего элементарнаго и бесспорнаго требованія Россіи. Въ борьбѣ съ объединительными мѣропріятіями финны держались болѣе законной почвы; шведоманы-же признавали всѣ средства дозволенными, вплоть до убийства изъ-за угла, лишь бы они вели къ цѣли. Все нелегальное, проявленное за послѣдніе годы въ столь значительныхъ размѣрахъ въ Финляндіи, дѣло рукъ преимущественно шведомановъ и ихъ подголосковъ младофинновъ: они наводнили край подпольной литературой, ввозили оружіе, организовали партію активнаго сопротивленія, составили озлобленный Народный Катехизисъ и пр.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе программъ наличныхъ политическихъ партій показываетъ, что у русскаго правительства не только нѣтъ среди нихъ союзниковъ и доброжелателей, но въ большинствѣ случаевъ и по главнымъ государственнымъ вопросамъ всѣ партіи дружно ополчаются противъ Россіи. Общая государственная жизнь Финляндіи съ Имперіей отвергается всѣми партіями. Благоразуміе, спокойствіе и нѣкоторая доля признательности къ Россіи скорѣе способны проявиться въ средѣ старофиномановъ, чѣмъ другихъ партій. Чувствуется, что русское правительство легче могло бы договориться со старофиноманами, чѣмъ съ конституціоналистами. Но нельзя забывать, что и старофинны въ своей программѣ выставили признаніе Великаго Княжества особымъ государствомъ, добиваются своего войска, своей таможни, монеты и пр. Въ виду сего остается опасеніе, что старофиноманы, вставъ у власти, поведутъ ту-же политику, какую ведутъ теперь конституціоналисты, и такъ какъ партія многочисленна и за нею стоитъ народъ, то она можетъ представить изъ себя солидную оппозиціонную силу русскимъ государственнымъ стремленіямъ объединительного свойства.

Въ послѣднее время старофинны стали дѣйствовать въ союзѣ съ рабочими. Рабочій вопросъ возникъ въ Финляндіи лѣтъ 30—40 тому назадъ, и теперь рабочее движеніе сдѣлалось факторомъ, съ которымъ необходимо считаться. Существуетъ большое количество рабочихъ союзовъ, имѣющихъ въ общей сложности болѣе 10 тысячъ членовъ; возникли газеты, исключительно посвященные интересамъ рабочихъ; организованы рабочіе съѣзды.

Соціаль-демократы также образовали весьма значительную политическую силу. Въ однопалатномъ сеймѣ,

который Финляндія получила въ 1906 году, соціалисты представлены 80—85 депутатами. Среди нихъ им'ются женщины-депутатки.

Дѣлаетъ въ Финляндіи большия успѣхи также и анархическое движение.

[View source](#) | [Edit this page](#)

XIV.

Русскіе голоса въ литературѣ.

Итакъ, подводя маленький итогъ сдѣланному краткому обозрѣнію, приходится сказать, что до царствованія Александра II жизнь Финляндіи для русского общества протекала незамѣтно; біеніе ея политического пульса не чувствовалось. Но затѣмъ обстоятельства измѣнились. Въ Россіи начались реформы. Финляндія получила сеймъ. Въ краѣ ожила политическая жизнь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказались истинныя чувства и стремленія финляндцевъ. Ни тѣ, ни другія не склонялись въ сторону Россіи и русского народа. Земскіе чины Финляндіи заговорили тономъ представителей самостоятельного государства; они не пожелали имѣть въ своей средѣ лицъ, состоявшихъ на службѣ въ Россіи: русскіе являлись для нихъ иностранцами. Короче,—сепаратизмъ сказался весьма опредѣленно и даже въ вызывающей формѣ. Политическія партіи края огласили свои программы. Глаза у русскихъ стали открываться.

Русскіе весьма доброжелательно встрѣтили успѣхи финляндцевъ въ политической области и дружно и тепло поздравили ихъ съ открытиемъ сейма. И. С. Аксаковъ писалъ: «Наконецъ въ Финляндіи сеймъ,—сеймъ таکъ давно желанный, жданный и обѣтованный! Финляндія ликуетъ и празднуетъ, и Россія искреннимъ сердцемъ радуется вполнѣ законной и свѣтлой радости честного, трезваго, здороваго финляндскаго населенія... Это событие, т. е. сеймъ, произведетъ конечно сильное

дѣйствіе на общественное мнѣніе Европы и докажетъ ей, какъ спокойно и свободно могутъ жить и благоденствовать подъ покровомъ Россіи даже совершенно чуждыя ей народности, если только ихъ развитіе совершается не въ духѣ вражды и ненависти къ Россіи. Какъ мало стремленія у насъ, русскихъ, обрушить на русскихъ. Напротивъ, Россіи можно сдѣлать упрекъ именно въ томъ, что она слишкомъ легко допускала къ себѣ пропаганду иноземную». И дѣйствительно, насильственной russификаціи Финляндія никогда не подвергалась. Финляндское юношество всегда обучалось на своемъ природномъ языкѣ. Университетъ въ Гельсингфорсѣ неизмѣнно оставался инородческимъ. «Мы должны надѣяться,—продолжалъ Аксаковъ,—что финляндскій сеймъ обратить наконецъ вниманіе на положеніе русскихъ въ Финляндіи и дастъ имъ возможность пользоваться правами, предоставленными кореннымъ финляндцамъ». (Н. Барсуковъ. Жизнь Погодина, кн. XX, стр. 232—234; «День», 1863 г., № 37).

Но вмѣстѣ съ привѣтствіями русскіе высказали и иной взглядъ на политическія домогательства Финляндіи. Какъ только опредѣленныя заявленія финляндскихъ государственниковъ достигли Москвы, Катковъ не оставилъ ихъ безъ отвѣта. Со свойственной ему опредѣленностью и прямотой онъ написалъ: «Не только шведскія, но и финскія газеты, но даже нѣкоторыя петербургскія изданія, усиленно хлопочущія о расчененіи Российской Имперіи, стараются оправдать вражду финнамъ къ Россіи тѣмъ, что финляндцы не могутъ признавать Россію своимъ отечествомъ на томъ-де основаніи, что Финляндія и Россія самостоятельные государства, соединенные между собою лишь посредствомъ персональной уніи». Толковать о какой-то персональной уніи между Россіей и Финляндіей «есть или полити-

ческое невѣжество, или грубый обманъ»... Финляндскій сеймъ ни разу ни созывался съ 1809 по 1863 годъ, и въ это полстолѣтіе ни о какомъ «финляндскомъ вопросѣ» не было помину, и никому ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи, ни въ Петербургѣ въ голову не приходило толковать о какомъ-то «личномъ соединеніи». Государь, по благости своей, позволилъ финляндцамъ обсуждать свои мѣстныя нужды въ особомъ сеймѣ, и тотчасъ же политические интриганы набросились на этотъ лакомый кусокъ и стали доказывать, что оказанная имъ поблажка есть неотъемлемое ихъ право, что Финляндія не входитъ въ составъ Россійской Имперіи, а является какимъ-то особымъ государствомъ, случайно соединеннымъ съ Россіей!. Особенno горячо Катковъ отнесся къ утверждению гельсингфорскихъ юристовъ, что финляндцы, живущіе въ Россіи, не должны пользоваться политическими правами въ Финляндіи. Нахожденіе на русской службѣ,—писалъ московскій трибуналъ,—не можетъ сокращать ихъ политическихъ правъ.

Выдающійся нашъ юристъ, профессоръ А. Лохвицкій, издалъ въ 1862 г. «Обзоръ современныхъ конституцій». Въ этой книгѣ, говоря о Финляндіи, онъ заявилъ, что она не есть страна, находящаяся въ личномъ соединеніи съ Россіей, на основаніи европейскихъ трактатовъ, какъ Польша. Она по праву есть провинція, принадлежность Россіи, стоящая внѣ международнаго права. Но тѣмъ не менѣе автономія ея очень велика, болѣе нежели многихъ государствъ...

О Финляндіи вообще заговорили. Статьи о ней замѣлькали въ русскихъ изданіяхъ. Мнѣнія раздѣлились. Но чаще и больше стали указывать на нѣкоторые не-нормальности въ политическомъ ея положеніи и обращать вниманіе на сепаратизмъ въ ея печати, законахъ, стремленіяхъ. Наконецъ въ восьмидесятыхъ годахъ вы-

ступилъ К. Ф. Ординъ съ цѣлымъ изслѣдованіемъ о Финляндіи, основаннымъ на архивныхъ первоисточникахъ, которыми онъ отвергалъ теорію финляндской государственности. Сочиненія Ордина явились эрой въ исторіи нашихъ воззрѣній на политическое положеніе Финляндіи. Они освѣтили новымъ и яркимъ свѣтомъ работу финляндскихъ обособленниковъ. Около капитальной книги Ордина завязался горячій споръ. Финляндцы съ жаромъ старались опровергнуть положенія Ордина. Но у Ордина оказались сильные союзники и явились немалочисленные послѣдователи. К. И. Якубовъ, ѡ. П. Елевьевъ, проф. Н. М. Коркуновъ, проф. Н. С. Таганцевъ, М. М. Бородкинъ, проф. Н. Д. Сергѣевскій и др. не только поддерживали воззрѣнія, подобныя тѣмъ, которые высказалъ К. Ф. Ординъ, но развили ихъ и обосновали новыми данными. Всѣ эти ученые и публицисты не руссификаціи финляндцевъ желали и не уничтоженія мѣстного самоуправленія добивались. Они ратовали за сближеніе Финляндіи съ Россіей, стояли за объединеніе въ вопросахъ общегосударственныхъ, за полноправіе русскихъ въ Финляндіи и за уничтоженіе (безъ вреда для края) элементовъ государственной обособленности. По ихъ мнѣнію, не «актъ соединенія» положенъ въ основу государственного отношенія Россійской Имперіи къ Вел. Кн. Финляндскому, какъ выразился профессоръ Н. С. Таганцевъ, а «актъ присоединенія», указывающій обывателямъ края ихъ мѣсто «въ чредѣ народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ». Говоря словами того-же Таганцева, Финляндія есть нераздѣльная часть единаго Россійскаго Государства, «пользующаяся самостоятельнымъ управлениемъ лишь по внутреннимъ своимъ дѣламъ и имѣющая особое, только въ отношеніи сихъ дѣлъ, мѣстное законодательство».

Одно изъ главныхъ положеній названныхъ писателей удачно формулировалъ профессоръ Н. М. Коркуновъ, когда онъ писалъ:

«Въ Финляндскомъ вопросѣ главная суть заключается вовсе не въ существованіи мѣстной автономіи, не въ томъ, что въ Финляндіи есть сеймъ, ограничивающій власть Великаго Князя... отчужденность Финляндіи отъ Россіи—это совсѣмъ другое дѣло. Русскіе, завоевавшіе и удѣрживающіе подъ скипетромъ своего Монарха Финляндію, должны по крайней мѣрѣ имѣть право не считаться въ Финляндіи иностранцами, не натыкаться среди единой русской территории на таможенную границу. Отчужденность эта и мѣстная автономія вовсе не связаны другъ съ другомъ необходимымъ образомъ. Проповѣдываніе финляндскими публицистами теоріи о реальной унії между Россіей и Финляндіей вовсе не ограничивается однимъ сбереганіемъ мѣстной автономіи. Эта теорія приводить къ отчужденію отъ Россіи завоеванной нами области. Сенаторъ Мехелінъ не даромъ такъ усиленно подчеркиваетъ, что Финляндія управляется только Великимъ Княземъ и никѣмъ другимъ. Онъ очевидно хочетъ этимъ выразить, что до самой Россіи Финляндіи нѣть никакого дѣла, что она знаетъ только русскую династию».

На борьбу со стремленіемъ финляндцевъ къ этой отчужденности и направлены были преимущественно труды названной группы писателей, которую финляндцы почему-то считаютъ врагами своей автономіи и культуры. И автономію и культуру они признаютъ; имъ желательно только, чтобы развитіе автономіи и национальныхъ особенностей не исключало началъ нашего государственного права и не поддерживало антагонизма по отношенію къ намъ Финляндіи.

XV.

Поворотъ къ объединительной политикѣ и общегосударственное законодательство.

Наше правительство не осталось глухимъ къ голосу русскихъ людей и вскорѣ дѣла Финляндіи стали подвергаться нѣкоторому контролю, а главное—правительство завело рѣчь о необходимости тѣснѣйшаго единенія этой окраины съ остальными частями Имперіи. На весь вредъ отсутствія контроля надъ финляндскимъ законодательствомъ со стороны русскихъ вѣдомствъ указывалъ еще въ царствованіе Александра II въ своей статьѣ И. С. Аксаковъ. Онъ высказался тогда въ томъ смыслѣ, что финляндскія узаконенія не слѣдовало бы расpubликовывать раньше, чѣмъ одно изъ высшихъ учрежденій—Государственный Совѣтъ, Комитетъ министровъ или Сенатъ,—не входя въ существо и детали проекта, не выскажется: нѣть-ли въ проектѣ чего либо вреднаго по отношенію къ русскимъ интересамъ.

Близайшій поводъ къ примѣненію подобнаго контроля далъ проектъ новаго уголовнаго уложенія. При составленіи его финляндцы считались съ новѣйшими научными теченіями на Западѣ, но совершенно игнорировали русское уголовное законодательство и естественные интересы и права Имперіи. Несмотря, на

примѣръ, на то, что въ международныхъ отношеніяхъ Финляндія всецѣло поглощается общимъ понятіемъ Россіи, въ новое уложеніе введены были постановленія изъ этой области, говорившія о неподсудности дипломатическихъ агентовъ и о виѣшней безопасности Финляндіи. Съ другой стороны, въ новомъ уложеніи позабыли указать на случай вооруженного сопротивленія Россійскимъ властямъ, на наказуемость заговора и т. п. Государственные преступленія обложены были слабыми наказаніями и даже денежными штрафами. (Юридич. лѣтопись, 1891 г., № 2, Н. Таганцева).

Уложеніе было утверждено (1890 г.) Верховною властью. Но, ознакомясь съ его содержаніемъ, К. Ф. Ординъ забилъ тревогу и въ рядѣ статей доказалъ несостоятельность новаго закона. Подлежащія власти обратили вниманіе на дѣло и Высочайшимъ манифестомъ (1 декабря 1890 г.) Уложеніе было прѣостановлено введеніемъ въ дѣйствіе, потому что оно нарушало государственные интересы и достоинство Россіи. Законъ передали на разсмотрѣніе русскихъ юристовъ и одинъ изъ нихъ, известный криминалистъ Н. С. Таганцевъ, весьма основательно указалъ на общій и весьма существенный проблѣкъ какъ въ учрежденіяхъ Финляндіи, такъ и въ законахъ Импераціи. Интересы Финляндіи при изготавленіи каждого законопроекта являются весьма хорошо обеспеченными мѣстнымъ сенатомъ, сеймомъ и статьѣ-секретаріатомъ. «Но кто же изъ нихъ можетъ охранять интересы Импераціи, если таковые затрагиваются такъ или иначе вновь вводимыми мѣстными узаконеніями?» Названныя учрежденія края, состоя исключительно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, не могутъ этого сдѣлать. Да на нихъ подобная обязанность закономъ и не возложена. Сенаторы и министръ статьѣ-секретарь могутъ при этомъ быть

лица, совершенно не знакомыя съ законами Россіи. Въ 1834 году генераль-губернатору дана была возможность, по его усмотрѣнію, вносить иѣкоторыя дѣла въ Комитетъ министровъ. Положеніе это вошло даже въ законъ Имперіи, но осталось забытой мертввой буквой. Такимъ образомъ, представлялась настоятельно необходимой соотвѣтственная реформа. Нужно было создать «такой порядокъ предварительного разсмотрѣнія законопроектовъ, при которомъ бы, въ силу закона, могли принимать участіе, въ той или иной формѣ, соотвѣтственныя учрежденія Имперіи».

Около того-же времени иѣкоторымъ учрежденіямъ Имперіи пришлось высказать свои заключенія по проекту основныхъ законовъ Финляндіи, и по Высочайшему повелѣнію состоялось учрежденіе (въ 1893 г.) Особаго Совѣщанія, подъ предѣдательствомъ д. т. с. Н. Х. Бунге, гдѣ вновь обстоятельства побудили остановиться на вопросѣ объ общегосударственныхъ законахъ, равно необходимыхъ какъ для Имперіи, такъ и для Великаго Княжества Финляндскаго. Законы этого рода ранѣе издавались и именовались то указомъ, то манифестомъ, то Высочайшимъ повелѣніемъ. Имѣвшіяся правила касались только порядка изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Но опредѣленныхъ правилъ относительно составленія, внесенія, разсмотрѣнія и утвержденія общегосударственныхъ узаконеній не существовало. Между тѣмъ въ такихъ правилахъ издавна встрѣчалась потребность въ виду, съ одной стороны, невозможности подчиненія общегосударственныхъ цѣлей интересамъ мѣстнымъ или областнымъ, а съ другой—необходимости и послѣдніе принимать въ должное соображеніе, насколько того требуютъ особыя условія, въ которыхъ находится Финляндія, а равно насколько они совмѣстны съ общегосударственными цѣлями.

Совѣщаніе Бунге признало, что проекты общегосударственныхъ законовъ подлежать разсмотрѣнію окончательно въ Государственномъ Совѣтѣ. Но далѣе мнѣнія раздѣлились: меньшинство, состоявшее исключительно изъ финляндскихъ членовъ Совѣщанія, желало установить точный перечень тѣхъ предметовъ, которые должны были относиться къ области общегосударственного законодательства, большинство же находило невозможнымъ составленіе сего перечня и проектировало предоставить решеніе сего вопроса по каждому данному случаю власти Государя Императора. Проекты Совѣщанія Бунге не получили дальнѣйшаго движенія за смертью Императора Александра III.

Прошло нѣсколько лѣтъ и тотъ-же вопросъ силою обстоятельствъ вновь былъ поднятъ. На этотъ разъ (въ 1898 г.) образовано было Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Государственного Совѣта Великаго Князя Михаила Николаевича, «для начертанія законодательного акта о порядкѣ изданія общегосударственныхъ законовъ, касающихся Имперіи и Финляндіи». Совѣщаніе усмотрѣло, что финляндскій край состоить въ собственности и въ державномъ обладаніи Имперіи Российской. По волѣ Российскихъ Монарховъ, край этотъ получилъ особый порядокъ внутренняго управлениія и Всемилостивѣйшее удостовѣреніе о сохраненіи за нимъ его правъ и преимуществъ и особаго церковнаго устройства; законы края не только сохраняютъ свое дѣйствіе, но получили во многихъ частяхъ своихъ дальнѣйшее развитіе, въ соотвѣтствіи потребностямъ населенія Финляндіи. Такимъ образомъ единеніе ея съ Россіею не препятствовало свободному развитію мѣстныхъ учрежденій, а достигнутое Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ благосостояніе свидѣтельствуетъ о соотвѣтствіи такого единенія собствен-

нымъ его выгодамъ. Тѣмъ не менѣе взаимныя отношенія Имперіи и Великаго Княжества оказались недостаточно опредѣленными. Великое Княжество Финляндское, управляемое подъ Верховною властью Всероссійскаго Императора, на основаніи особенныхъ учрежденій, составляетъ нераздѣльную часть Россійскаго Государства. Поэтому, независимо отъ условій быта финляндскаго края и его нуждъ, нѣкоторые предметы, требующіе законодательного опредѣленія для этого края, имѣютъ столь тѣсную связь съ общегосударственными потребностями цѣлой Имперіи, что было бы несовмѣстно со строемъ общеимперского законодательства разрѣшать этого рода вопросы исключительнымъ дѣйствиемъ органовъ Великаго Княжества Финляндскаго. Очевидно, что предначертанные въ разрѣшеніе такихъ вопросовъ законопроекты, пройдя въ установленномъ порядкѣ чрезъ финляндскій сеймъ, подлежать, на общемъ основаніи, соображенію въ законодательномъ учрежденіи Государства Россійскаго, откуда восходить на окончательное утвержденіе Верховною властью Монарха. Въ этомъ только случаѣ могутъ быть, по всей справедливости, обеспечены, безъ ущерба мѣстнымъ интересамъ Финляндіи, пользы населенія Имперіи.

Труды этого Совѣщенія удостоились Высочайшаго утвержденія и при манифестѣ 3 февраля 1899 г. опубликованы были «Основныя Положенія» объ изданіи общегосударственныхъ законовъ. Сими положеніями установлено, чтобы каждый законъ, издаваемый для Имперіи со включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго, а также законъ, примѣняемый въ предѣлахъ Великаго Княжества, но касающійся общегосударственныхъ интересовъ, или связанный съ законодательствомъ Имперіи, восходилъ съ заключеніями сената или сейма на разрѣшеніе Государственного Совѣта, при участіи въ немъ

съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра
статьи-секретаря и не менѣе двухъ финляндскихъ се-
наторовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя Финляндія и упра-
вляется по особому порядку, но въ то-же время она
входитъ въ составъ Россійскаго Государства. Поэтому,
особый ея порядокъ можетъ касаться законодательного
и административнаго управлениія только по предметамъ,
не затрагивающимъ интересы Имперіи. Поэтому-же
компетенція сейма нисколько не уменьшена закономъ 3 фе-
враля 1899 г. Въ вопросахъ общегосударственныхъ сеймъ
можетъ, очевидно, имѣть значеніе органа только совѣща-
тельнаго. До сего времени не было, да и не могло быть за-
кона, въ силу которого финляндскія учрежденія, сенатъ
или сеймъ, были бы призваны окончательно рѣшать
вопросы, касающіеся всего Государства Россійскаго.
Такимъ образомъ манифестъ 3 февраля соответствуетъ
элементарнымъ началамъ всякаго государственнаго
права.

Изданіемъ манифеста 3 февраля 1899 года раз-
рѣшено былъ коренной вопросъ въ финляндскомъ дѣлѣ.
Мѣстное финляндское законодательство отдѣлялось отъ
общеимперскаго и притомъ такъ, что первое предостав-
лялось вполнѣ разработкѣ самихъ финляндцевъ, а по
второму—требовалось только ихъ участіе, ихъ мнѣніе.
Въ Россіи это воззрѣніе встрѣчено было сочувственно
и въ финляндскій вопросъ внесена была значительная
ясность и опредѣленность.

Такимъ образомъ въ 1899 г. рѣшили вопросъ о порядкѣ
общегосударственного законодательства, но другой,
связанный съ нимъ вопросъ, о контролѣ надъ мѣстнымъ
финляндскимъ законодательствомъ въ тѣхъ видахъ,
чтобъ въ составѣ мѣстнаго закона не могли бы про-
ходить положенія общегосударственного свойства, —

остался открытымъ и поставленъ на очередь въ наши дни.—Съ учрежденіемъ-же Государственной Думы порядокъ общегосударственного законодательства долженъ подвергнуться коренному измѣненію.

XVI.

Объединительные мѣропріятія. Время Н. И. Бобрикова.

Сознанный принципъ общегосударственной связи выразился въ рядѣ практическихъ мѣропріятій по управлению. Начало царствованія Императора Александра III явилось какъ бы продолженіемъ предыдущаго періода. Чины сейма получили право моцій, финскія войска были дополнены сформированіемъ кавалерійского полка, права финскаго языка были расширены и проч. Но затѣмъ среди царствованія Императора Александра III произошелъ весьма замѣтный поворотъ въ отношеніяхъ русскаго правительства къ Финляндіи. Вызванъ онъ былъ (помимо указанного въ главахъ XIV и XV) главнымъ образомъ двумя обстоятельствами. Съ одной стороны домогательства финляндцевъ сдѣлались крайне неумѣренными, а съ другой—всѣмъ давно было очевидно, что «Финляндская окраина остается настолько же чуждой намъ, насколько была во дни ея завоеванія».

Въ январѣ 1890 года состоялось повелѣніе выработать проекты почтоваго, таможеннаго и монетнаго объединенія Финляндіи съ соответственными учрежденіями Имперіи. Финляндія пришла въ движеніе и начался тотъ періодъ противодѣйствія русскимъ государственнымъ требованіямъ, который продолжается вплоть до

нашихъ дней. «О тревожномъ настроеніи въ краѣ», вызванномъ этими мѣропріятіями, доложили Монарху. Въ отвѣтъ послѣдовалъ знаменательный рескриптъ отъ 28 февраля 1891 г., въ которомъ говорилось о томъ, что намѣченными мѣропріятіями Верховная власть имѣла въ виду «достиженіе болѣе тѣснаго единенія» и что въ намѣренія Монарха вовсе не входило измѣнять «начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управления».

Русское правительство осталось вполнѣ вѣрнымъ этимъ принципамъ и ни въ чемъ существенно не умалило правъ финляндцевъ по ихъ самоуправлению. Оно желало исключительно государственного объединенія и политического сближенія; финляндцы-же этому упорно противодѣйствовали, разглашая по Россіи и Европѣ, что у нихъ отнимаютъ дарованныя права и привилегіи, что самодержавная власть домогается полнаго уничтоженія общественнаго строя въ Финляндіи и что, наконецъ, имѣется въ виду обрушеніе финновъ.

Ни историческій ходъ дѣла, ни распоряженія правительства въ теченіе послѣднихъ лѣтъ сихъ жалобъ и протестовъ финляндцевъ не оправдываютъ.

Наибольшее недовольство вызвала военная реформа. Она была начата съ цѣлью устраненія отчужденности и обособленности финскихъ войскъ, ибо никакая часть неразрывной державы не нуждается въ своей отдельной вооруженной силѣ. У финскихъ же войскъ оказались свои многочисленныя учрежденія, своя присяга, свои традиціи и никакой духовной связи съ русской арміей, никакихъ общихъ съ нею задачъ и завѣтовъ. Россію они защищать не желали, Финляндію отстоять не могли. Ихъ наличность давала только основаніе говорить объ атрибутѣ мнимаго финляндскаго государства.

Финляндія не всегда отказывалась защищать Россію. Было время, когда финляндскіе генералы иначе смотрѣли на дѣло и находили, что предназначение финскихъ войскъ исключительно для охраны Балтійскаго побережья можетъ даже лечь на нихъ пятномъ и вызвать нерасположеніе русскихъ. Въ 1822 г. дивизіонный командиръ финскихъ войскъ, генераль-маіоръ Густавъ Эрнротъ всеподданнѣйше ходатайствовалъ передъ Государемъ о томъ, чтобы финскимъ войскамъ предоставлено было «право раздѣлить съ остальными войсками Его Величества честь защиты Имперіи». Положеніе 1812 г. устанавливало, что финскія войска будуть употребляться только для защиты Финляндіи и Балтійскаго моря. Подобное постановленіе, писалъ Эрнротъ, «можетъ опозорить ихъ чувства въ глазахъ ихъ новыхъ *соотечественниковъ*», а потому генераль просилъ, какъ милости для истинныхъ воиновъ, чтобы имъ разрѣшили «сражаться вездѣ, гдѣ прикажетъ имъ ихъ Монархъ». Благородное рвение было оцѣнено, конечно, Государемъ и разрѣшеніе дано. Съ распространеніемъ-же сепаратистскихъ тенденцій, измѣнились и возврѣнія на задачи финскихъ войскъ. Финляндцы видятъ теперь въ Россіи лишь «сосѣдку, чужое государство» и потому не желаютъ умирать за облагодѣтельствовавшую ихъ Россію!

Въ виду сего манифестомъ 29 іюня 1901 года финскія войска были упразднены. Агитационная печать усмотрѣла въ этомъ упраздненіи исключительно недовѣріе къ финской націи, усилила протесты, вызывала всякаго рода неповиновенія, и кончилось тѣмъ, что революціонерамъ удалось на время поднять противъ новаго закона о воинской повинности часть финскаго населенія, указаніемъ на то, что уставъ изданъ не въ порядкѣ, установленномъ основными законами Фин-

дляндії. Но это не вполнѣ такъ. Въ 1878 году уставъ о воинской повинности дѣйствительно прошелъ черезъ сеймъ, которому данъ былъ рѣшающій голосъ. Но въ 1899 г. усмотрѣно было, что вопросы по оборонѣ Имперіи и безопасности границъ должны быть относимы къ разряду общегосударственного законодательства и окончательно разматриваться въ выспахъ законодательныхъ учрежденіяхъ Имперіи. Въ виду положенія, установленного манифестомъ 3 февраля 1899 года, сейму (въ 1899 г.) оставленъ былъ, при разсмотрѣніи устава о воинской повинности, лишь голосъ совѣщательный. Слѣдовательно, правительство поступило вполнѣ правильно: оно сперва установило новый порядокъ изданія общемперскихъ законовъ, а затѣмъ, на основаніи его, провело уставъ о воинской повинности.

Другія реформы объединительного характера, проведенные во время управлениія Финляндіей генераль-адъютанта Н. И. Бобрикова (1898—1904 г.), сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему:

Водворенъ былъ русскій языкъ въ сенатѣ.

Число уроковъ русскаго языка увеличено въ финляндскихъ лицеяхъ и учреждены инспекторы преподаванія русскаго языка.

Издана новая инструкція генералъ-губернатору, существенно расширившая его власть.

Учреждена первая русская газета.

Намѣченъ и начался пересмотръ: сеймового законодательства, учебныхъ плановъ мѣстной средней школы и нѣкоторыхъ ихъ учебниковъ.

Проектировано желѣзнодорожное соединеніе постройкою моста черезъ Неву и приведено въ порядокъ дѣло по мобилизационной готовности этихъ дорогъ.

Начата громадная работа по обеспеченію надѣлами безземельного населенія.

Проектирована новая кафедра въ гельсингфорскомъ университѣтѣ по русской исторіи, русскому праву и государствовѣдѣнію.

Поднять вопросы о коренной реформѣ лоцманского вѣдомства и обращено вниманіе на необходимость сравненія правъ судовъ, приписанныхъ къ портамъ Имперіи.

28 октября 1903 года состоялось постановленіе о правѣ уроженцевъ коренной Россіи пріобрѣтать недвижимое имущество въ Финляндіи.

По вопросу о военныхъ расходахъ возбуждалось ходатайство о передачѣ русской казнѣ части тѣхъ ассигнованій, которые по финляндскому бюджету были опредѣлены на содержаніе финскихъ (затѣмъ упраздненныхъ) войскъ.

Русскіе люди допущены на гражданскую службу въ Финляндіи.

Изъ изложенного явствуетъ, что объединительныя мѣропріятія недавно минувшаго периода никакого «крестового похода» противъ финляндской культуры въ себѣ не заключали. Ни въ правящихъ сферахъ, ни въ русской серьезной печати никто нивелировки и ассимиляціи не требовалъ. Национально-духовной самобытности финновъ никогда не касались. Говорящіе о «насильственной русификації» или безсознательно повторяютъ финляндскую ложь, или намѣренно клевещутъ на наше правительство. Никогда русское правительство не смышило государственного единства съ племеннымъ, и никогда оно, поэтому, не посягало на духовную свободу инородцевъ и не стремилось къ уничтоженію этнографическихъ особенностей. Въ нашей литературѣ давно уже высказано безспорное положеніе, что «государственное единство не значитъ мертвое однообразіе частей; полное государственное единство совмѣстимо

съ полною свободою и самостоятельностью частей, лишь бы только самостоятельность не заключала въ себѣ фальшиваго стремленія образовать особое государственное тѣло».

Поэтому, въ подтверждение, а не въ оправданіе го-
сударственной политики 1899—1904 годовъ, слѣдуетъ
замѣтить, что объединительныя мѣропріятія времени
генераль - губернатора Н. И. Бобрикова не результатъ
только какого то «бобриковскаго режима», о которомъ
такъ любятъ говорить,—а это мѣры, которыхъ придер-
живаются и другія государства по отношенію къ сво-
имъ колоніямъ и провинціямъ. Внутренняя свобода ча-
стей государства существуетъ, но всегда постольку, по-
скольку ею не нарушается государственное единство.

XVII.

Сопротивление финляндцевъ государственному объединенію.

На объединительныя мѣропріятія русскаго правительства Финляндія отвѣтила почти всѣобщимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. Идея ея возникла уже въ 1891 году, когда появилась статья профессора гельсингфорсскаго университета барона Р. Вреде «Обзоръ положенія въ странѣ». Статья широко распространялась путемъ подпольной разсылки. Дабы спасти основные законы Финляндіи—писалъ шведоманъ Вреде въ то время, когда правительство приступало къ объединительнымъ преобразованіямъ,—необходимо, чтобы министръ статсъ-секретарь не контрасигнировалъ нежелательныхъ финляндцамъ Высочайшихъ повелѣній и манифестовъ, чтобы сенатъ не расpubликовывалъ ихъ, чтобы судьи не обращали вниманія на отсрочку дѣйствій уголовнаго уложенія. Кромѣ того, сеймъ обязанъ единодушно протестовать, общество не должно идти на встречу новымъ русскимъ требованіямъ, родителямъ вмѣняется въ обязанность не обучать своихъ дѣтей русскому языку и тому подобное.

Такъ финляндцы и поступили. Въ Финляндіи организовался тайный патріотическій союзъ, въ составъ котораго вошли преимущественно шведоманы и младо-

финны. Этот союзъ примѣнилъ на практикѣ теорію пассивнаго сопротивленія и для этого организовалъ тайные оппозиціонные съезды, подавалъ шумные адресы-протесты, устраивалъ разныя демонстраціи и уличныя выходки, усилилъ эмиграцію, бойкотировалъ умѣренныхъ и спокойныхъ, препятствовалъ призывающимъ исполнить свой долгъ по уставу о воинской повинности. Мало-по-малу всѣ слои общества были втянуты въ это пассивное сопротивленіе. Губернаторы (изъ шведовъ) проявляли явное попустительство, учителя агитировали среди учениковъ, часть духовенства проповѣдывала противодѣйствіе съ церковныхъ каѳедръ, собирала деньги на смуту и допустила политическія демонстраціи въ храмахъ.

На стадіи пассивнаго сопротивленія финляндцы удержались недолго. Японская война и политическія движенія внутри Россіи придали дерзости финляндцамъ, и дѣло перешло къ активной борьбѣ. Первою жертвою ея палъ генераль-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, убитый финляндскимъ чиновникомъ Евгениемъ Шауманомъ (3 іюня 1904 года) въ стѣнахъ сената. Дѣло отца убийцы—бывшаго сенатора В. Шаумана—раскрыло очень многое изъ плановъ главныхъ дѣятелей смуты. «Настало время,—значилось въ революціонномъ планѣ В. Шаумана,—когда мы сами должны взяться за защиту самихъ себя и нашихъ семей». И потому онъ, какъ бывшій офицеръ генерального штаба, предложилъ организовать стрѣлковыя артели. Его сынъ, Евгений Шауманъ, занимался вопросомъ о снабженіи сихъ тайныхъ стрѣлковыхъ обществъ скорострѣльнымъ оружіемъ, а другой сынъ, Павель Шауманъ, интересовался вопросомъ о близости восстанія въ Финляндіи. Затѣмъ начался широкій подвозъ оружія какъ для Финляндіи, такъ и для русскихъ революціонныхъ

группъ, объединившихся для низверженія строя Импераціи. Финляндскіе агенты скупали оружіе преимущественно въ Швейцаріи на японскія деньги. Такимъ образомъ дѣятельность финляндскихъ революціонеровъ перешла далеко за предѣлы пассивнаго сопротивленія и за предѣлы ихъ страны.

Сами финляндцы весьма точно опредѣлили свою роль въ общерусскомъ революціонномъ движеніи послѣднихъ лѣтъ («Friâ ord» отъ 11 ноября 1902 года). «Намъ нѣтъ болѣе основаній воздерживаться отъ единенія съ русской оппозиціей, съ тѣми русскими, которыхъ официально называютъ революціонерами. Поляки, малороссы, остзейцы, евреи, кавказцы—ни одна изъ этихъ группъ не обладаетъ способностью собирать вокругъ себя остальныхъ. Въ виду этого наше содѣйствіе можетъ стать и, безъ сомнѣнія, станетъ большою цѣнностью для русской оппозиціи.... Мы сумѣемъ стать ядромъ, вокругъ котораго соберутся остальные оппозиціонные элементы, мы можемъ способствовать организаціи силь, составленію практически выполнимой программы и общаго плана политической работы».

Въ началѣ 1906 года вышла, отпечатанная въ Гельсингфорсѣ, брошюра подъ заглавіемъ «Прибавленіе къ книгѣ Революціонная Россія» (Supplement till det Revolutionära Ryssland). Авторъ этой брошюры, известный революціонеръ Конни Цилліакусъ, игравшій весьма видную роль вмѣстѣ съ Л. Мехелиномъ на съездѣ русскихъ революціонеровъ въ Парижѣ осенью 1904 г. Изъ признанія К. Цилліакуса видно, что финляндцы дѣйствительно стали вождями революціи въ Россіи. Авторъ брошюры пишетъ: «Сближеніе между революціонными партіями и организациями состоялось въ Парижѣ въ 1904 году. Ранѣе отдѣльныя оппозиціонныя партіи въ

руssкомъ государствѣ никогда не дѣйствовали сообща, а, наоборотъ, находились во взаимной враждѣ и въ лучшемъ случаѣ смотрѣли другъ на друга съ глубокимъ недовѣріемъ. Общее положеніе теперь указывало вожакамъ различныхъ партій, что наступило время для совмѣстной работы. Финляндская партія революціонеровъ взяла на себя временно требуемую обстоятельствами ініціативу сліянія разныхъ партій, не согласныхъ между собою. Финляндская партія косвенно уже оказала немаловажныя услуги освободительному движению въ Россіи, пріобрѣтеніемъ симпатіи всей міровой прессы къ своей борьбѣ противъ абсолютизма. Члены финской партіи сдѣлались центральнымъ ядромъ, вокругъ котораго могли собираться отдѣльные оппозиціонные элементы». Такимъ образомъ, для согласныхъ дѣйствій послѣдовало всеобщее сліяніе: либераловъ, революціонеровъ-соціалистовъ, антисоціалистовъ, русскихъ, поляковъ, армянъ, грузинъ, евреевъ, латышей и др. Далѣе авторъ указываетъ на работу земства, на революціонныя движения, начавшіяся на окраинахъ, убіеніе великаго князя Сергія Александровича, на бунтъ въ Черноморскомъ флотѣ, на желѣзнодорожныя и телеграфныя забастовки и проч., какъ на достигнутые результаты объединенной и совмѣстной дѣятельности делегатовъ разныхъ революціонныхъ партій.

Конечная цѣль финляндскихъ революціонеровъ—возможная независимость и самостоятельность ихъ родины. Открыто она не высказывается. Осуществится-же она чрезъ тѣ политическія формы, кои развиваются совмѣстно всѣ поголовно финляндскіе политики. Ихъ дѣятельность началась націоналистическимъ сепаратизмомъ, а кончится, вѣроятно, тѣмъ, что нигдѣ, ни въ законахъ, ни на дѣлѣ, не окажется признаковъ, указывающихъ

на зависимость Финляндіи отъ Российской Имперіи. Къ этому они идутъ съ чрезвычайной выдержанкой и рѣдкой систематичностью. Въ наши дни они стараются о томъ, чтобы не засѣдать въ Государственной Думѣ и такимъ образомъ охранить свою обособленность. Главная надежда возлагается на скорое и полное банкротство Россіи и на ея военное безсиліе. «Завоеванные, порабощенные силой народы окружаютъ (уже) Россію пылающимъ кольцомъ бунта и революціи», осталъно довершить революція внутри Имперіи. Эти «порабощенные народы», обладая высшей культурой и высшимъ родомъ просвѣщенія, будуть добиваться независимой польской республики для поляковъ, финляндской—для финновъ и т. д.

Сверхъ всего изложенного нельзя упускать изъ вида также и того, что въ Финляндіи зарождается уже идея панфинизма. Конечно, она пока еще очень слаба, мало замѣтна, но при финляндской выдержанкѣ нельзя относиться къ ней совершенно безразлично.

Уже на школьной скамьѣ, подростку финну внушиается, что «Богъ опредѣлилъ финскому народу быть образцомъ и учителемъ многихъ бѣдныхъ родственныхъ ему племенъ, которые разсѣяны по русской землѣ. Вѣдь цѣль Бога въ этомъ отношеніи ясна... А когда число населенія, число финновъ достигнетъ 12 миллионовъ... Составитель учебника не договорилъ своей мысли, но она понятна: когда въ Финляндіи будетъ 12 миллионовъ, она объединить всѣ финскія племена, живущія теперь въ Россіи, и будетъ могущественнымъ государствомъ. Это выводъ не произвольный. Его подсказываютъ болѣе чѣмъ опредѣленно другіе финляндскіе писатели, напримѣръ, Йогани Ахо и Лейпо, которые широко раздвигаютъ горизонты будущей великой финской державы.

Іоганни Ахо писаль... «Фінляндія то-же, чѣмъ нѣ-
когда была Греція, и финскій народъ есть второй
эллинскій народъ... Развѣ мы не такъ-же побѣдоносно
боролись съ насилиемъ, какъ и греки? У насъ были
свои Єермопилы и Саламинъ и мы также спасали за-
падную цивилизацио... У грековъ былъ Гомеръ,—у
насъ есть Калевала!... И кто знаетъ, можетъ быть,
когда-нибудь выйдетъ изъ нашей среды новый Александъ
Великій, который объединить всѣ финскія
племена, низвергнетъ Персію (Россію?), явится осно-
вателемъ великой финской всемірной державы и поне-
сетъ нашу цивилизацио далеко въ глубь темной Азіи»...

Лейно подновилъ и расширилъ планы Ахо. «Необ-
ходимо создать въ Европѣ новую культуру... Надо
проявить себя въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ. Моло-
дые люди, разбросанные по финляндскимъ пустырямъ,
выходите! Наступилъ вашъ чередъ. Пора финскому
медвѣду проснуться».

Одинъ изъ шведскихъ писателей, видимо, озна-
комившись съ духомъ нѣкоторыхъ литературныхъ про-
изведеній Фінляндіи, вложилъ въ уста финского сту-
дента слѣдующія слова: «Мы помнимъ, что на ледя-
номъ побережье у Коды, въ суровыхъ окрестностяхъ
Архангельска, въ снѣжныхъ тундрахъ Сибири и въ
пустынной землѣ «чуди» обитаетъ безмолвная толпа
финскихъ братьевъ, ожидающая избавленія отъ мрака
и мученій. Мы ждемъ своего Александра, своего завое-
вателя, который пойдетъ, предшествуемый финлянд-
скимъ знаменемъ и сопровождаемый финской культу-
рой. Съ его появлениемъ настанетъ нашъ день и тогда
мы выступимъ гордые и свободные. Тогда гордые
борцы Сѣвера внесутъ блага цивилизациі въ полярныя
страны, тогда Швеція вновь войдетъ въ свои границы
отъ Зунда до рѣки Торнео, а юная и великая Фин-

ляндія объединить свое царство отъ Балтики до Берингова пролива, охватывая Ледовитый океанъ. Будемъ ждать; эта надежда поддержить насъ вплоть до новой, отрадной великой борьбы»...

Въ 1879 году по русской Кареліи путешествовалъ некто Эрвастъ. Его «сердце усиленно билось», когда въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ онъ слышалъ финскую рѣчь и когда мѣстные обыватели ему говорили: «здесь не Россія, а Карелія!» Въ разговорѣ съ карелами Эрвастъ старался убѣдить ихъ не презирать своего языка и не отдавать предпочтеніе передъ нимъ русскому. Попутно онъ ратовалъ противъ русскихъ школъ и русскихъ фамилій карель. «Подавленный, полный тоски стонъ слышится изъ Кареліи, писалъ онъ; можемъ ли мы, въ правѣ ли мы быть глухими къ нему?.. Надо помнить, что, работая надъ сохраненіемъ финской самобытности въ Кареліи, мы тѣмъ самымъ работаемъ надъ собственнымъ сохраненіемъ. Если мы окажемъ имъ ту помощь, которую должны оказать, то съ полнымъ основаніемъ можемъ надѣяться, что побѣда въ концѣ-концовъ будетъ за ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за нами, и прекрасная Карелія не будетъ осквернена (русской) иноземціей. А затѣмъ засіяетъ снова тотъ день, когда у финской родины будутъ тѣ самые обширныя границы, которыя были у нея въ прошломъ до раздѣла ея на двѣ части шведами съ запада, русскими съ востока. Голосъ крови не будетъ тогда говорить непонятнымъ языкамъ, а біенію сердца съ западной стороны (горь) Маансельки отвѣтить такое-же біеніе съ другой стороны: единая Финляндія будетъ заключать въ своихъ нѣдрахъ тѣхъ и другихъ».

Финляндскія газеты полны статьями и стихотвореніями о необходимости пріобщенія русской Кареліи (т. е.

Олонецкой и части Архангельской губерній) къ Финляндіи («Окраины Россіи» 1906, № 19¹).

Сообщенными свѣдѣніями о панфинизмѣ вовсе не имѣется въ виду возбужденіе недовѣрія къ нашимъ согражданамъ инородцамъ или призывъ къ стѣсненію ихъ национального движения. Они въправѣ помнить свою исторію, развивать свой языкъ и любить свою народность. Национальный подъемъ финновъ, евреевъ, татаръ и другихъ инородцевъ долженъ вызвать въ русскихъ «большую заботу о собственной народности и о сохраненіи за нею той роли, которую она можетъ играть въ Россіи, въ интересѣ и для блага всѣхъ другихъ».

¹⁾ «Панфинская пропаганда» (по финскимъ источникамъ), Спб. 1909 г., отъ нее, начиная съ 1906 г., берутъ эти

XVIII.

Кн. Ив. Оболенскій и д. т. с. Герардъ.

Политика объединенія продолжалась только до 1904 года, когда въ іюнѣ мѣсяцѣ отъ руки убійцы палъ наиболѣе вѣрный и талантливый представитель этой политики, генераль-адъютантъ Бобриковъ. Его послѣдовательно замѣнили слабые и безличные князь Иванъ Оболенскій и Н. Н. Герардъ. Эти администраторы были полною противоположностью иностраннымъ, которые прежде всего заботились бы о томъ, чтобы понравиться своимъ, на родинѣ. Князь Оболенскій откровенно дѣйствовалъ по подсказкѣ финляндцевъ и въ частности Мехелина, который посыпалъ ему цѣлую политическую программу для руководства. Что же касается Н. Герарда, то достаточно вспомнить одну карикатуру финляндского происхожденія, помѣщенну въ журналѣ «Tuulispää» за 1906 годъ. Она изображаетъ нѣсколькихъ сенаторовъ, а въ ихъ числѣ и Мехелина, Ѣдущихъ въ саняхъ: на облучкѣ, въ мундирѣ и треуголкѣ, сидить Герардъ, ему даетъ указанія Мехелинъ...

Рескриптомъ 1904 года князю Ивану Оболенскому предписывалось вести Финляндию къ «тѣснѣйшему единенію съ Имперіей». Но князь Оболенскій оказался не только безъ малѣйшей подготовки для той должно-

сти, которую онъ смѣло взялся исполнить, но и вообще безъ всякихъ административныхъ способностей. Его, очевидно, выдвинули случай, титулъ и придворная связь. Онъ не обладалъ даже достаточнымъ обыденнымъ тактъмъ. Онъ началъ съ поголовнаго и громкаго осужденія дѣйствій своего предмѣстника и критики распоряженій В. К. Плеве. Самъ же князь Оболенскій сталъ дѣйствовать безъ всякой системы и программы. Выработать ихъ было ему не подъ силу. «По прїездѣ въ Финляндію, онъ съ презрительной суровостью принялъ русскихъ служащихъ», найдя, что ихъ слишкомъ много въ краѣ! Во время объѣзда своего генераль-губернаторства, онъ изошряль краснорѣчіе на сплошномъ осужденіи русскихъ порядковъ вообще и судебныхъ въ частности. Два-три первыхъ шага, сдѣланныхъ новымъ начальникомъ края, и нѣудержимый потокъ празднословія сразу дали понять финляндцамъ, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Пріемъ служебныхъ докладовъ начинался у князя около 11 или 12 час. дня, завтракъ продолжался отъ часу до половины третьяго, а вскорѣ послѣ него наступалъ «потѣхи часть», продолжавшійся до поздняго вечера и состоявшій изъ смѣны винта кѣкъ-уокомъ, цыганскими пѣснями, музыкой и прочими развлечѣніями». (См. Революція въ Финляндіи при кн. Ив. Оболенскомъ, СПБ. 1905 г. стр. 4, 32 и др.). Соответственно сему пошли, конечно, и дѣла во вѣренной ему окраинѣ.

Ошибка слѣдовала за ошибкой. Прежде всего крайне несвоевременно упраздили финляндскій военный округъ и тѣмъ русская власть собственнымъ руками удалила изъ края большую часть русского образованнаго и влиятельнаго общества! Финляндцы ободрились и посмѣшивались надъ недальновидностью нашего правительства. Потомъ неожиданно и по мотивамъ, совер-

шенно необъяснимымъ, кн. Оболенскій сталъ ходатайствовать о возвращеніи въ край всѣхъ административно удаленныхъ. Ихъ, конечно, имѣлось въ виду вернуть, но моментъ для этого былъ выбранъ кн. Оболенскимъ совершенно неудобный. Изгнанные прѣхали во время засѣданій сейма и вновь заняли въ немъ первенствующее руководящее положеніе. Финляндскіе революціонеры окончательно воспрянули духомъ, одѣнивъ по достоинству слабость заискивавшей русской власти въ краѣ. Едва вернулись агитаторы, сеймъ въ полномъ своемъ составѣ забастовалъ, выставивъ правительству, въ особой петиціи, требованія о немедленной отменѣ всѣхъ объединительныхъ мѣропріятій времени Бобрикова. Земскіе чины въ данномъ случаѣ дѣйствовали совмѣстно «съ таинственнымъ кружкомъ» (революціонеровъ), стоявшимъ въ сейма. Петиція была дерзка и по тону, и по содержанію. Земскіе чины заявили, что не признаютъ Высочайшаго манифеста 3 февраля 1899 года за обязательный для Финляндіи законъ; они настаивали на удаленіи русскихъ чиновниковъ изъ края, а русскаго государственного языка изъ дѣлопроизводства сената. Сеймъ настойчиво добивался «немедленной отмены призыва (новобранцевъ) и прекращенія дальнѣйшаго примѣненія устава о воинской повинности». Князь Оболенскій помчался въ Петербургъ и дѣйствіе устава о воинской повинности было приостановлено. По частямъ, время отъ времени, дѣлались и другія уступки забастовавшему и обструкціонному сейму.

Тѣмъ временемъ партія активнаго сопротивленія убила прокурора сената Іонсона и подполковника Крамаренко, а также тяжело ранила бомбой помощника генераль-губернатора В. Ф. Дейтриха и тремя револьверными выстрелами—Выборгскаго губернатора Н. А. Мя-

соѣдова. Никто не былъ особенно озабоченъ принятиемъ рѣшительныхъ мѣръ противъ начавшихся въ Финляндіи политическихъ убийствъ.

Благодаря непослѣдовательности въ нашей окраинной политикѣ и дряблости представителя русской власти революція въ Финляндіи крѣпла и разросталась. Финляндцы поняли, что для нихъ насталъ весьма благопріятный моментъ. Князя Оболенскаго о всемъ своеевременно увѣдомляла и предостерегала полиція; но онъ, считая себя самыимъ выдающимся администраторомъ въ Россіи, или ничего не читалъ, или относилъ тревожныя извѣстія къ разряду фельетонныхъ сообщеній. Его безпечность облегчила доставку цѣлыми пароходами боевого оружія въ Финляндію. Въ финляндскихъ газетахъ открыто печатались телеграммы о томъ, что «оружія (въ Улеоборгѣ) довольно, охотниковъ (въ національную гвардію) болѣе чѣмъ достаточно». (Uusi Suometar, 1905 г. № 254). «Пришлите сюда (въ гор. Иисальми) немедленно 200 ружей и одинъ пулеметъ».

Когда оружія въ краѣ оказалось достаточно, то финляндскіе революціонеры рѣшили привести въ исполненіе давно задуманный планъ переворота съ цѣлью достичь независимости отъ русской власти. Въ октябрѣ 1905 года въ Финляндіи была объявлена генеральная забастовка. Толпа окружила домъ генераль-губернатора и потребовала, чтобы кн. Оболенскій немедленно отказался отъ своей должности, а сенаторы—ушли въ отставку. Князь Оболенскій совершенно растерялся, принималъ всѣхъ наглыхъ депутатовъ, приглашалъ ихъ даже сѣсть для переговоровъ. Тѣ разваливались передъ нимъ на стульяхъ и грубо диктовали свои требованія. Онъ на все соглашался. Ему подали, наконецъ, проектъ манифеста объ отменѣ всѣхъ законоположеній бобриковскаго периода. Проектъ былъ составленъ однимъ

изъ главныхъ агитаторовъ Л. Мехелинымъ. Князь покорно отправилъ проектъ въ Петербургъ, ходатайствуя объ его утвержденіи. Незадолго до революціи онъ выказался противъ созыва чрезвычайного сейма, а теперь онъ указывалъ на его необходимость. Въ первомъ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (отъ 28 дек. 1904 г.) онъ писалъ, что «всякія уступки Финляндіи вообще, а въ переживаемое для Россіи тяжелое время въ особенности, могутъ принести только одинъ непоправимый вредъ государству и будутъ приняты финляндцами не какъ осуществленіе ихъ блага или какъ милость, но лишь какъ доказательство слабости власти и предлогъ къ новымъ еще болѣе дерзкимъ домогательствамъ». Теперь-же онъ явился первымъ ходатаемъ за всякаго рода уступки и послабленія. Забастовка протекала относительно спокойно, но тѣмъ не менѣе кн. Оболенскій незамѣтно покинулъ свой домъ и поселился на броненосцѣ «Слава», стоявшемъ въ гавани Гельсингфорса. Въ одномъ донесеніи о событияхъ этихъ дней тѣмъ не менѣе писалось, что «въ данную минуту (20 окт. 1905 г.) только одинъ генералъ-губернаторъ пользуется довѣріемъ» финновъ.

22 октября 1905 года состоялся Высочайший манифестъ «о мѣрахъ къ возстановленію законнаго порядка въ краѣ». Этимъ новымъ законодательнымъ актомъ повелѣвалось пріостановить дѣйствие основныхъ положеній, объявленныхъ при манифестѣ 3 февраля 1899 года, и отмѣнить: а) постановленіе о мѣрахъ къ охраненію государственного порядка и общественного спокойствія, б) инструкцію генералъ-губернатору (1903 г.), в) уставъ о воинской повинности (1901 г.), г) положеніе (1902 г.), коимъ русскимъ чиновникамъ давалось служить въ финляндскихъ учрежденіяхъ и пр. мѣропріятія объединительного характера. Финляндія лико-

вала! Газеты писали о «красивыхъ результатахъ», достигнутыхъ общей солидарностью; но про генералъ-губернатора они выразились, что онъ остался чуждъ финскому народу и не проявилъ личной самостоятельности.

6-го ноября кн. Оболенскій, обнявъ передъ тѣмъ и поцѣловавъ капитана революціонной гвардіи Кока, за охраненіе порядка въ дни забастовки, къ общему удовольствію русскаго населенія въ краѣ, выѣхалъ изъ Гельсингфорса въ Петербургъ.

Въ должности генералъ-губернатора его замѣститель д. т. с. Николай Николаевичъ Герардъ. Находясь еще въ Петербургѣ, г. Герардъ началъ съ того, что представилъ главнѣйшихъ агитаторовъ края къ занятію самыхъ отвѣтственныхъ должностей въ Финляндіи—т. е. сенаторовъ и губернаторовъ. По прїездѣ въ Гельсингфорсъ, онъ выслушалъ привѣтственную рѣчь на французскомъ языкѣ. Всльдъ за симъ онъ самовольно устранилъ государственный русскій языкъ изъ дѣлопроизводства сената, а самого себя—отъ фактическаго участія въ засѣданіяхъ этого высшаго учрежденія окраины. Послѣ того началось систематическое устраненіе русскихъ людей изъ всѣхъ учрежденій Финляндіи, поспѣшное сниманіе съ чиновъ полиціи «презираемой финляндцами русской формы». Видимо, что все это дѣлалось въ разсчетѣ на пріобрѣтеніе расположенія финляндцевъ за счетъ явнаго пренебреженія тѣмъ, что носило на себѣ отпечатокъ русскаго, представителемъ коего онъ самъ являлся.

Возстановленіе «законнаго порядка» шло очень успѣшно: Мехелинъ составлялъ проекты сокращенія уроковъ русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, представлялъ списки неугодныхъ финляндцамъ русскихъ чиновъ и новые сокращенные штаты канцеляріи генералъ-губернатора и пр. Министръ статьи-секретарь А. Лангофъ представлялъ все на утвержденіе, а Н. Н.

Герардъ на все безмолвно и безпрекословно соглашался. Мехелинъ написалъ проекты статей, взамънъ 4 ст. Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи, Н. Н. Герардъ подписалъ ихъ. Мехелинъ выработалъ новые правила для русскаго государственного языка, Н. Н. Герардъ ходатайствовалъ объ ихъ утвержденіи. Полиція была очищена отъ русскихъ людей, русскіе губернаторы и ландсекретари уволены, русскій начальникъ финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ перемѣщенъ въ Россію, русскій начальникъ канцелярии генераль-губернатора замѣненъ другимъ, болѣе склоннымъ потакать финляндцамъ, цензура финляндскихъ изданій отмѣнена, а единственной русской газетѣ въ Финляндіи воспрещено касаться политики и критиковать дѣйствія кабинета Мехелина.

Слабость и непослѣдовательность нашего правительства, въ лицѣ Н. Н. Герарда, дошла до того, что допустила устраненіе русскаго государственного языка изъ дѣлопроизводства сената. Никакая народность, входящая въ составъ Россійской державы, не въ правѣ добиваться устраниенія въ какихъ либо отправленіяхъ государственной жизни русскаго государственного языка. Языкъ—духовное знамя Имперіи и первѣйшее условіе внутренняго объединенія всѣхъ ея составныхъ частей. Отсутствіе духовной связи между центромъ и окраиной— явленіе, конечно, ненормальное. Всѣ культурныя государства вводили свой языкъ не только въ администрацію, но и въ школу вновь присоединенной къ нимъ области. Въ англійскихъ, напримѣръ, владѣніяхъ, каждый носящий мундиръ правительства или крупной компаніи обязанъ говорить по англійски. Въ каждой прочной державѣ нельзѧ себѣ представить болѣе одного государственного языка. Вотъ почему англійское правительство старалось изъять изъ обращенія мѣстные языки

въ государственныхъ учрежденияхъ своихъ обширныхъ колоній. Англійскій языкъ введенъ въ сеймахъ Норманскихъ острововъ, населеніе которыхъ говоритъ по французски. На островѣ Мальтѣ англійскій языкъ тоже признанъ официальнымъ языкомъ (съ 22 марта 1899 года), взамѣнъ мѣстного итальянского. Нельзя, конечно, себѣ представить, чтобы англійскій администраторъ поставилъ цѣлью своей дѣятельности сокращеніе уроковъ англійского языка и изгнаніе англичанъ изъ учрежденій колоній Великобританіи. Въ Финляндіи дѣятельность представителя русской государственной власти Н. Н. Герарда была именно сосредоточена на удаленіи русскихъ чиновниковъ и сокращеніи области государственного языка! Ничего подобнаго въ исторіи другихъ державъ, разумѣется, отыскать невозможно.

Благодаря такимъ приемамъ восторжествовала финляндская справедливость, а русское «насиліе» было упразднено.

Отъ русскихъ сотрудниковъ начальникъ края почти отказался. Русскихъ глазъ въ краѣ болѣе не осталось. Между тѣмъ ввозъ оружія продолжался, очевидно, въ виду того, что во время октябрьской забастовки 1905 г. «правленіе партіи активнаго сопротивленія разъяснило, что, по обсужденіи положенія дѣла, партія нашла, что для начатія военныхъ дѣйствій противъ Россіи оружія у нея недостаточно», какъ о томъ значится въ книгѣ Johan Kock'a («Seitseman raiwaa Keskusase malla», стр. 35. См. также газету «Россія» 1906 г. № 133). По всей Финляндіи шло формирование частей красной национальной гвардіи. Содѣйствуя ей, Н. Н. Герардъ воспретилъ мѣшать ея военнымъ экзерсиціямъ, несмотря на то, что это войско являлось совершенно нелегальнымъ и не имѣло законно утвержденного устава. Газеты края («Hufvudstadsbladet»

и «Framtid») не скрывали отъ своихъ читателей, что Финляндія, послѣ упраздненія финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, нуждается въ обширной арміи и таковую желательно сформировать изъ красной гвардіи. Доставка оружія и кража динамита, какъ оказалось, производились именно для этихъ новыхъ національныхъ ополченцевъ. Въ рядахъ нелегальной красной гвардіи находилось уже нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Кромѣ того, создалось въ Финляндіи общество «Сила» (Woima), которое поставило себѣ цѣлью объединеніе разрозненныхъ частей разныхъ національныхъ ополченій. Надъ боевой организаціей работали также стрѣлковыя общества. Наконецъ, имѣлось таинственное общество «Лыжниковъ», уставъ котораго не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и оно также преслѣдуетъ исключительно боевыя цѣли. Всѣ построенія его были чисто военнаго характера.

Финляндцы достигли всего, чего хотѣли. Имъ не удалось легально возстановить только своего войска, но при благосклонной помощи Н. Н. Герарда можно думать, что и за этимъ дѣло не стало бы.

Но всего этого финляндцамъ оказалось мало. Они устроили культь убійцы Бобрикова, Евгенія Шаумана. Его возвели въ міровые герои, находя, что онъ сокрушилъ русское иго и насилие и избавилъ Финляндію отъ русскаго рабства. (Hufvudstadsbladet, 1906, № 127). Ему собирались воздвигнуть памятникъ славы; день его смерти сдѣланъ почти національнымъ праздникомъ. Въ годовщину убійства Н. И. Бобрикова въ засѣданіи сейма одинъ изъ депутатовъ въ рѣчи восхвалилъ подвигъ Е. Шаумана, «разрушившаго ненависть и угнетеніе и давшаго солнцу свободу взойти надъ цѣлымъ народомъ». («Nya Pressen», 1906, № 160).

Такимъ образомъ, за время своего управлениія краемъ Н. Герардъ не обрисовалъ себя, какъ сколько ни-

будь самостоятельного политического деятеля. Русская гимназія удостоилась посещенія генераль-губернатора, кажется, всего одинъ разъ. Единственная въ краѣ русская газета была стараніями генераль-губернатора приведена въ упадокъ. Русскій языкъ оказался понемногу устремленнымъ, изгнаннымъ; русскіе служащіе (2 губернатора, 2 вице-губернатора, 3 полиціймейстера; одинъ помощникъ полиціймейстера, начальникъ всѣхъ финляндскихъ жел. дор. и т. д. вплоть до 200 констаблей) также постепенно удалялись. Одновременно съ этимъ не ставилось должныхъ препятствій развивавшемуся сепаратистскому движению. Оружіе ввозилось открыто. Никъмъ не сдерживаемая печать осыпала Россію и русскихъ бранью, а оскорбленія Величества путемъ печати оправдывались судомъ. Преступныя сообщества безпрепятственно могли организоваться, и, почти на глазахъ у русской власти, имъ не возбранялось производить военные упражненія. Наконецъ, и сенатъ, не видя твердой русской руки, а лишь на всемъ отпечатокъ подсказки Мехелина, рѣшился выработать проектъ особой формы правленія, въ которой проводилась идея обособленности Финляндіи. Эта форма правленія оставляла кое какія права Верховной Власти, но и то «въ силу давности». Финляндія объявлялась «соединенной» съ Россіей, присяга подданныхъ въ Финляндіи должна была слѣдовать за присягой Монарха «конституціи». Русскіе служащіе изгонялись окончательно. Сейму предоставлялось право, совмѣстно съ Монархомъ, устанавливать и измѣнять границы «государства», причемъ суверенныя права Россіи забывались или замалчивались. Общее управлѣніе ввѣрялось сенату (§ 20), генераль-губернаторъ превращался лишь въ предсѣдателя сената. Международныя дѣла ставились въ зависимость отъ «согласія» сейма и заключенія сената.

Итакъ, край никогда не былъ болѣе отодвинутъ отъ Россіи, чѣмъ въ управлениѣ Н. Герарда, когда на всякий натискъ финляндскаго сепаратизма русская власть, въ лицѣ своихъ представителей, отвѣчала поблажками.

жити, оно же именовалось «Ингерманландским обществом финнов». В 1907 году членами этого общества были избраны члены финской парламентской партии «Союз землевладельцев и промышленников» (тогдашнее название партии), а в 1908 году членами парламента Финляндии были избраны члены партии «Союз землевладельцев и промышленников».

XIX.

Время ген. Бекмана.

Н. Герарда сменилъ въ февралѣ 1908 года мало-освѣдомленный въ финляндскихъ дѣлахъ ген. Бекманъ. Директоромъ канцелярии генераль-губернатора остался Ф. Книповичъ, что дало финляндцамъ поводъ предполагать («Helsingin Sanomat»), что новый генераль-губернаторъ не намѣренъ по собственной инициативѣ отклоняться отъ «миролюбивой» политики Герарда. Поэтому ген. Бекманъ тотчасъ же сталъ пользоваться благосклонностью финляндцевъ; гоненія на русскихъ вокругъ генераль-губернатора продолжались; не отставалъ въ этомъ отношеніи и статья-секретаріатъ. Продолжалась прежняя система...

Въ связи съ такимъ положеніемъ дѣль стали, съ начала 1908 года, возникать слухи, что въ Государственной Думѣ предстоять запросы по финляндскому управлению. Усилилось русское національное чувство, но, одновременно, усилился и финляндскій сепаратизмъ. Желая предупредить русские запросы, финляндцы съ своей стороны внесли въ сеймъ запросы объ отношеніяхъ къ Россіи и мѣрахъ русского правительства. Сеймъ былъ распущенъ, однако, новые выборы дали то же преобладаніе соціалистическихъ элементовъ.—Въ тальманы снова былъ избранъ Свин-

хувудъ, ранѣе ставшій извѣстнымъ за свои дерзкія выходки и за свою защиту политическихъ убийствъ, при защитѣ убийцы прокурора Сената Іонсона, Гогенталя.

5 мая 1908 года въ Государственной Думѣ состоялись пренія по финляндскому вопросу, которыя дали поводъ Предсѣдателю Совѣта Министровъ выступить съ блестящей программною рѣчью. Не скрывая недостатковъ настоящаго положенія вещей и перечисливъ послѣднія тяжелыя события въ Финляндіи, а также и прискорбное отношеніе къ нимъ мѣстныхъ властей, П. А. Столыпинъ указалъ на необходимость подчиненія политической жизни окраины общегосударственной жизни Россіи. Отмѣтивъ, что у Россіи и Финляндіи,— какъ несомнѣнно составляющихъ одно государство, за все происходящее въ которомъ отвѣтственно передъ Государемъ правительство Имперіи,— должно быть иѣ-которое единство задачъ, а также и общее, совмѣстно съ Финляндіей, рѣшеніе ихъ, съ преобладаніемъ, конечно, державныхъ правъ Россіи, П. А. Столыпинъ полагалъ, что въ области общаго законодательства слѣдуетъ различать два момента. Первый—это есть установлѣніе того, касается ли всякой данный вопросъ интересовъ Имперіи, или иѣть. Онъ относится къ области Верховнаго управлѣнія. Второй моментъ—это само разсмотрѣніе и разрѣшеніе законодательныхъ вопросъ; онъ можетъ быть установленъ только законодательнымъ порядкомъ. Этотъ моментъ представляется чрезвычайно важнымъ, ибо касается распространенія власти Государя Императора по общеимперскимъ дѣламъ, черезъ общеимперскія установлѣнія, на пространствѣ всей Имперіи.

Рѣчью П. А. Столыпина былъ намѣченъ планъ, которому правительство намѣревалось слѣдовать въ

ближайшемъ времени, вполнѣ признавая, въ то же время, внутреннюю самостоятельность Финляндіи.

На слова предсѣдателя Совѣта Министровъ со стороны иѣкоторыхъ представителей послышались возраженія. Депутаты Гегечкори и Милюковъ выступили даже съ угрозами, говоря, что опасно прикасаться къ тому, что составляетъ жизненные интересы и жизненные вопросы для существованія «націи». Они давали, другими словами, совѣтъ безпрекословно исполнять требованія финляндцевъ, хотя весь вредъ такой именно политики уступчивости сумѣли уже съ очевидностью доказать кн. Оболенскій и Н. Герардъ.

Выступленія П. Милюкова и Гегечкори, а также ихъ ссылки на чрезвычайную лояльность финляндцевъ даже въ 1905 и 1906 годахъ и на ихъ государственную самостоятельность, встрѣтили должный отпоръ со стороны депутатовъ гр. Беннигсена и Маркова 2-го. Рѣчь Милюкова подверглась подробному разбору, Марковъ же 2-й слѣдующими словами закончилъ свою рѣчь, направленную къ поддержанію запроса: «Если вы дорожите благомъ Россіи, если вы желаете дѣйствительно, чтобы государство наше было мощнымъ, великимъ и могучимъ, то отбросьте всѣ эти притязанія финляндскихъ измѣнниковъ и сепаратистовъ и скажите могучее русское слово:—Россія для русскихъ,— все остальное да подчинится русскимъ интересамъ».

Первая половина плана, изложенного въ рѣчи П. А. Столыпина, была приведена въ исполненіе правилами 20 мая 1908 года. По этимъ правиламъ всѣ финляндскія дѣла, предварительно доклада ихъ Государю Императору, подлежать отныне разсмотрѣнію въ Совѣтѣ Министровъ, на который возложено также сужденіе о томъ, какія изъ этихъ дѣлъ затрагиваютъ интересы Имперіи. Этими правилами дана была воз-

можность имперскому правительству блести единство политики; этими правилами были убережены въ цѣломъ рядъ дѣлъ прерогативы Государя Императора по административному законодательству и статному фонду; были ограждены ими права русскихъ. Разумѣется, что въ Финляндіи они вызвали сильнѣйшую противъ себя агитацию.

Вопросъ о выплатѣ пособія Государственному Казначейству на военные нужды и въ новѣйшее время не измѣнилъ своего положенія. Разрѣшенію его финляндцы продолжали ставить препятствія; положеніе оставалось безъ перемѣнъ, хотя въ 1908 году и удалось добиться перечисленія причитавшейся за 1906 и 1907 годы суммы.

Попрежнему на митингахъ, въ прессѣ и, наконецъ, на сеймѣ отрицалась необходимость уплаты «контрибуціи» для «сосѣдней» востока страны и къ тому же на войско, которое будетъ преслѣдовать чуждыя для правовѣрного финляндца задачи. Финляндцы, будто бы, никогда не отказывались охранять «страну», но, конечно, лишь путемъ собственного войска,—говорилось въ рѣчахъ сеймовыхъ оаторовъ, которые забывали, что въ Россіи печальный опытъ «конституціонныхъ» гвардій всѣхъ родовъ, дѣйствовавшихъ во время Герарда, достаточно еще памятъ. Раздавались, кроме того, попрежнему указанія, будто Государь Императоръ не имѣетъ права единоличнаго распоряженія статнымъ фондомъ, а когда былъ изданъ новѣйший по военному вопросу манифестъ отъ 24 Сентября 1909 года, установившій на 10 лѣтъ впередъ размѣръ обязательныхъ уплатъ, то всѣ въ одинъ голосъ стали въ Финляндіи заявлять, что это не что иное, какъ узаконивающее «грабежъ» постановленіе, что сенатъ не имѣетъ права манифестъ распубликовывать и что, если онъ его и распубликуетъ,

это не можетъ имѣть для Финляндіи значенія. «Отъ присланныхъ изъ Имперіи лицъ ничего нельзя ждать кромѣ правонарушений», замѣчала печать. Манифестомъ-де повелѣвалось миллионы съ финляндской казны «содрать», и потому «Savon Tuomies», отмѣтивъ въ своей статьѣ жирнымъ шрифтомъ нижеслѣдующее, угрожала:

Миллионы на военные нужды.

Адмиралы у кормила.

Бомбы въ ходѣ.

5 сентября исполнялось столѣтіе завоеванія Финляндіи. Въ этотъ день сто лѣтъ назадъ состоялось подписаніе Фридрихсгамскаго мира, являющагося неоспоримымъ титуломъ нашего державнаго обладанія Финляндіей (ст. IV). Этотъ день было предположено отпраздновать молебствіями, парадами, иллюминаціями и т. д.

Но не такъ посмотрѣли на этотъ юбилей финляндцы. Заявляя, что въ Фридрихсгамѣ произошла лишь «ликвидація насилия черезъ дипломатовъ», они предпочли праздновать юбилей сейма въ Борго, полагая, что на этомъ сеймѣ «удостовѣреніемъ» Александра I было подложено основаніе ихъ самостоятельной государственности (по крайней мѣрѣ, въ этомъ они хотятъ всѣхъ увѣрить), что въ Борго особая, данная русскимъ Императоромъ конституція обусловила соединеніе финляндскаго «государства» съ Россійской Имперіей. Поэтому съ непріязнью отнеслись они ко всѣмъ русскимъ празднествамъ, призываю печати въ день 5 сентября спустить всюду флаги, а не подымать ихъ, тушить

огни, а не освѣщать дома,—призываю пасторовъ «конституціоналистовъ» соотвѣтственными проповѣдями разъяснить въ церквяхъ значеніе сейма въ Борго и значеніе нарушаемыхъ будто бы въ послѣднее время обѣщаній Александра I.

По предложенію одного русскаго жителя Гельсингфорса рѣшено было, въ ознаменованіе юбилея покоренія края, поставить часовню въ оградѣ православнаго собора. Конечно, финляндскія власти оказывали этому всякия затрудненія, причемъ генераль-губернаторъ Бекманъ, единственный изъ русскихъ представителей власти не иллюминавшій свой домъ въ день юбилея («Kutigen», 23 сент.), мало содѣйствовалъ дѣлу увѣковѣченія памяти павшихъ воиновъ. Печать говорила, будто отчужденіе земли подъ часовню даже незаконно, ибо оно не отвѣчаетъ общественной необходимости, какъ того требуютъ финляндскіе законы, Высочайшее же повѣлѣніе, говорили газеты, не можетъ имѣть значенія въ «конституціонной странѣ».

Итакъ прошелъ день столѣтняго юбилея завоеванія Финляндіи, день осуществленія плановъ Петра Великаго и его преемниковъ на русскомъ Престолѣ,—день, наводящій на грустныя размышенія. Послѣдующія поколѣнія могутъ спросить у насъ отвѣта, что сдѣлали мы за столѣтніе обладаніе краемъ, названнымъ Петромъ Великимъ «подушкой» Петербурга. Финляндія стала для насъ новоизмыщеннымъ враждебнымъ государствомъ, государствомъ, куда даже можно спасаться отъ преслѣдованія русской власти, ибо тамъ судъ не всегда преслѣдуешь за преступленія противъ Россіи; государствомъ, откуда можно съ полной безопасностью совершать злодѣйскія покушенія какъ на отдельныхъ лицъ, такъ и на весь государственный порядокъ Россіи; государствомъ, гдѣ Императорскій Финляндскій Се-

нать обращается въ противное всѣмъ русскимъ начинаніямъ учрежденіе; куда члены первой Государственной Думы могли выѣзжать, чтобы писать противогосударственное воззваніе; гдѣ сеймъ съ первыхъ же шаговъ своихъ можетъ критиковать и осуждать Высочайшіе манифесты, встрѣчая поддержку своимъ сепаратистскимъ домогательствамъ и требованіямъ въ статсь-секретариатѣ, всегда близкомъ къ придворнымъ сферамъ.

Что же намъ принесло столѣтіе?

Дружными попытками сената, сейма и статсь-секретариата окраина заняла неподобающее ей положеніе. Печать, школа, желѣзныя дороги, судь, языкъ, права русскихъ—все это или способы или поводы къ большему обособленію, къ уменьшению правъ Россіи и русскихъ.

«Безотрадный юбилей», говорили русская печать и общественное мнѣніе

Подведеніе итоговъ столѣтія завоеванія приводить насъ къ мысли, что небрежно довершено дѣло первыхъ завоевателей шведскихъ провинцій, что вместо опоры столицѣ Россія пріобрѣла всегда готовый очагъ возмущенія и противодѣйствія.

XX.

Финляндскій комитетъ для выработки законопроектовъ и русско-финляндская смѣшанная комиссія.

Послѣ манифеста 22 октября 1906 года въ русскомъ обществѣ и печати укоренилось воззрѣніе, что Финляндія получила самостоятельность и создано новое ея государственно-политическое положеніе, а также укрѣплена ея унія съ Россіей. Въ этомъ кроется значительное недоразумѣніе. Манифестъ отмѣнилъ узаконенія послѣднихъ лѣтъ, коими имѣлось въ виду установить болѣе тѣсную связь Великаго Княжества съ остальными частями Имперіи, но сама Финляндія, какъ была, такъ и остается окраиной и частью Имперіи. Никакой новой политической самостоятельности ей не было предоставлено; главные акты, установившіе правовое положеніе Финляндіи въ составѣ Россійской Имперіи, остались въ своей силѣ. Какъ до манифеста 22 октября, такъ и послѣ него Финляндія осталась въ державномъ обладаніи Имперіи Россійской и составляетъ нераздѣльную ея часть, что выражено во 2 ст. Основныхъ Законовъ. Правительство только уменьшило русское вліяніе на эту окраину, сократило сферу государственного языка въ дѣлопроизводствѣ и школѣ удалило своихъ русскихъ чиновниковъ изъ управлений и полиціи и т. п.

Изъ положенія, въ силу котораго Финляндія оставалась «нераздѣльной частью Имперіи», вытекала необходимость строгаго согласованія дѣлъ финляндскаго управления съ интересами Россіи, имѣющими общегосударственное значеніе, а потому вопросъ этотъ долженъ былъ служить предметомъ особыхъ заботъ правительства. Въ действительности же этого не было. Никакой связи между органами общегосударственного управления и финляндскими не существовало. Статья-секретарь, существовавшій служить звеномъ между ними, со временемъ замѣни русскаго министра статья-секретаря генераль-маюромъ Лангофомъ, не только не обеспечивалъ общегосударственныхъ интересовъ Россіи, но, напротивъ, являлся учрежденіемъ, обособляющимъ финляндскую окраину отъ остальныхъ частей Имперіи. Положеніе финляндскаго генераль-губернатора въ мѣстномъ управлениі, послѣ отмѣны (манифестомъ 22 октября 1905 г.) инструкціи генераль-губернатору и положенія о финляндскомъ сенатѣ 1903 года, стало настолько маловліятельнымъ и незначительнымъ, что защита этимъ единственнымъ русскимъ лицомъ, находящимся въ составѣ финляндскихъ учрежденій, общегосударственныхъ интересовъ не могла быть признана достаточной. Не имѣя никакой инструкціи, ни реальной власти въ управлениі края и поставленный въ физическую невозможность,—за отмѣною (3 мая 1906 г.) русскаго государственного языка въ дѣлопроизводствѣ сената,—лично или черезъ своего помощника предсѣдательствовать въ сенатѣ, генераль-губернаторъ не могъ болѣе съ успѣхомъ защищать общеимперскіе интересы, ибо сенатъ, кромѣ того, черезъ докладчика-финляндца, въ должности ministra статья-секретаря, получалъ возможность односторонне, исключительно съ мѣстной точки зренія, освѣщать

передъ Монархомъ дѣла финляндскихъ учрежденій. Итакъ, русское правительство собственными руками разорвало всякую реальную связь Финляндіи съ Имперіей и закрыло тогда же для себя пути къ правильному и всестороннему освѣщенію дѣлъ этой окраины. Съ точки зрењія общегосударственныхъ требованій, дѣйствія русскихъ представителей кн. Оболенского и Н. Н. Герарда, приведшія къ описанному положенію, совершенно необъяснимы.

Очевидно, что финляндское законодательство нуждалось въ извѣстномъ надзорѣ со стороны общеимперскихъ властей и учрежденій, дабы оно еще болѣе не развилось въ невыгодномъ для Имперіи направлѣніи, не содѣствовало дальнѣйшему обособленію и отчужденію Финляндіи, существующей составлять неотъемлемую часть Россіи. Вслѣдствіе отсутствія одного постоянного и специализированного учрежденія для просмотра и провѣрки законопроектовъ, касающихся Финляндіи, они не получали надлежащей согласованности, ни соображенія съ интересами Имперіи. Положеніе Финляндіи давало ей, кромѣ того, легкую возможность вести свою собственную «политику» и даже «эскамотировать» русскую власть. Такое положеніе могло явиться большимъ соблазномъ для другихъ окраинъ и потому требовало особаго вниманія и строгаго отношенія къ финляндскимъ политическимъ домогательствамъ. При продленіи существовавшихъ несообразнѣйшихъ порядковъ трудно было ожидать восстановленія нарушенной равноправности и установленія политической солидарности Финляндіи съ Россіей, а также ихъ государственного сотрудничества.— Мысль о необходимости учрежденія особаго Комитета для финляндскихъ дѣлъ напрашивалась сама собой. Она одновременно возникла съ разныхъ сторонъ.

Главный законъ послѣднихъ лѣтъ — манифестъ 3 февраля 1899 года—остается въ силѣ и лишь прѣстановлено дѣйствіе основныхъ, приложенныхъ къ нему, положеній «пока затронутые въ нихъ вопросы не будутъ урегулированы законодательнымъ актомъ». Въ манифестѣ 6 августа 1905 года всенародно провозглашено, что о порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общихъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ указано особо. Въ виду этого, Предсѣдатель Государственного Совѣта (въ февралѣ 1906 г.) просилъ какъ финляндскаго генераль-губернатора, такъ и министра статьи-секретаря сообщить ему свои предположенія по сему предмету. Н. Н. Герардъ отвѣтилъ: «Конечно, нельзя допустить, чтобы законодательные учрежденія Имперіи были устраниены отъ разрѣшенія законодательныхъ вопросъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, а вновь вводимыя въ ней представительные собранія, безъ сомнѣнія, должны принять участіе въ этой работе. Но съ другой стороны широкія права автономіи, дарованныя Великому Княжеству, сохраненіе которыхъ является лучшою гарантіею правильныхъ отношеній Финляндіи къ Имперіи, исключаютъ возможность признанія подчиненнаго положенія представительного собранія Великаго Княжества по отношенію къ такому же собранію Имперіи»...—«Не менѣе важнымъ представляется вопросъ о порядкѣ возбужденія и предварительной подготовки подобныхъ законопроектовъ»... «Для послѣдняго необходимо, по мнѣнію генераль-губернатора, учредить Совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ особаго лица по непосредственному избранію Государя Императора, въ составѣ финляндскаго статьи-секретаря и четырехъ членовъ: двухъ по избранію

финляндского сената и двухъ изъ числа имперскихъ сенаторовъ. Этому-же Совѣту могло-бы быть предоставлено право давать заключеніе по тѣмъ административнымъ дѣламъ, о которыхъ упомянуто выше и которыя, касаясь обѣихъ частей Россіи, вносятся на Высочайшее усмотрѣніе. Устройство подобнаго Совѣта было-бы, на мой взглядъ, во всякомъ случаѣ, необходимо, такъ какъ нынѣшній порядокъ, при которомъ общегосударственные вопросы докладываются Его Императорскому Величеству безъ тѣхъ гарантій, которыя могъ-бы дать подобный Совѣтъ, не можетъ быть признанъ нормальнымъ».

Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, предложилъ образованіе подобнаго-же учрежденія. Министръ статсъ-секретарь, отвѣчая предсѣдателю Государственного Совѣта, обращалъ вниманіе на то, что позднѣйшее положеніе о Государственной Думѣ 20 февраля 1906 года не содержитъ уже указаній на привлеченіе въ нее выборныхъ отъ Финляндіи и, съ своей стороны, возражая противъ такого привлеченія, находилъ тѣмъ не менѣе необходимымъ учрежденіе совѣщанія изъ русскихъ и финляндцевъ, и разработанные въ семъ совѣщаніи законопроекты должны были-бы направляться на обсужденіе въ той части, которая касается Имперіи—въ Государственную Думу, а Финляндіи—въ Сеймъ. Сообразно этому и законы должны были, по мнѣнію ген.-м. Лангофа, утверждаться и расpubликовываться отдельно для Имперіи и отдельно для Финляндіи, въ установленномъ для каждой порядке.

Возбужденный вопросъ о Комитетѣ по финляндскимъ дѣламъ обсуждался въ особомъ Совѣщаніи графа Сольского одновременно съ предложеніями о порядке общегосударственного законодательства. Разработка вопроса

о порядке общегосударственного законодательства была Совещаниемъ пристановлена, въ виду близости созыва Государственной Думы. Но проектъ учреждения Комитета по финляндскимъ дѣламъ былъ вполнѣ разработанъ и подлежалъ только поднесенію на утвержденіе Его Императорскаго Величества. Однако въ послѣднюю минуту, 23 апрѣля, г. Герардъ прислалъ слѣдующую телеграмму:

«Мысль объ учрежденіи Финляндскаго Комитета возбуждаетъ въ Финляндіи большое волненіе. Я надѣюсь, что волненіе утихнетъ, ежели будетъ подвергнуто обсужденію (Финляндскаго) сената. Считаю очень желательнымъ передать проектъ на заключеніе сената». Эта телеграмма остановила все дальнѣйшее движение дѣла о Финляндскомъ Комитетѣ и такимъ образомъ Имперія осталась тогда безъ учрежденія, въ которомъ бы обсуждались законопроекты, касающиеся Россіи и Финляндіи.

Въ новѣйшее время вопросъ объ общегосударственномъ законодательствѣ, доселѣ неразрѣшенный, представляется въ слѣдующемъ положеніи.

28 марта 1909 года издано Высочайше утвержденное положеніе Совѣта Министровъ объ учрежденіи русско-финляндской комиссіи для выработки проекта правилъ о порядке изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственного значенія. Учрежденіе этой комиссіи, предсѣдательствованіе въ которой было возложено на т. с. Харитонова, соотвѣтствовало второй половинѣ правительственного плана, изложенного въ рѣчи предсѣдателя Совѣта Министровъ въ Государственной Думѣ по финляндскимъ запросамъ.

Новая "русско-финляндская" комиссія имѣла всего четыре засѣданія. Съ первого же засѣданія ея выяснилось, что между представителями русской и финлянд-

ской точекъ зрења не будетъ достигнуто единомыслія, ибо финляндскіе члены, которые, вопреки постановлению 28 марта, не владѣли русскимъ языкомъ и говорили сначала по нѣмецки, а затѣмъ по фински и шведски, защищали теорію финляндской особой государственности, русскіе же, основываясь прежде всего на статьѣ 2 Основныхъ Государственныхъ Законовъ, Финляндіи за самостоятельное государство не признавали и утверждали, что она есть только окраина съ развитымъ внутреннимъ самоуправлениемъ, но не больше.

Финляндскіе члены комиссіи представили вскорѣ свой проектъ. Особенность финляндскаго предложенія заключалась въ delegacіяхъ, которыя, по примѣру Австро-Венгрии, имѣлись въ виду ввести во взаимоотношенияхъ Финляндіи и Россіи. Конечно, этотъ пунктъ встрѣтилъ сильныя возраженія со стороны русскихъ членовъ, какъ нѣчто несовмѣстимое съ понятіемъ единой Россіи. Русскіе члены не замедлили представить и свои предположенія, въ которыхъ порядку общегосударственного законодательства они предполагали подчинить слѣдующія отрасли дѣлъ: воинскую повинность, участіе въ общегосударственныхъ расходахъ, вопросы о подданствѣ и о положеніи иностранцевъ, судоустройство и судопроизводство, надзоръ за школьнымъ дѣломъ, желѣзныя дороги, таможни, привилегіи и авторское право, денежное, телеграфное и почтовое дѣло, мореплаваніе и проч. Словомъ проектъ русскихъ членовъ комиссіи заключалъ (въ ст. 2) перечень въ сущности мѣньшій, чѣмъ тѣ, что содержатся въ соответственныхъ статьяхъ конституцій иностранныхъ государствъ, напримѣръ въ германской. Опубликованіе общегосударственныхъ законовъ, по проекту русскихъ членовъ, предполагалось предоставить Правительствующему Сенату, ему же подлежалъ бы и надзоръ за исполненіемъ. Законы

общегосударственные должны были съ несомнѣнностью отмѣнять всякое противорѣчивое постановленіе законовъ мѣстнаго финляндскаго самоуправленія.

Русскій проектъ, къ которому присоединился предсѣдатель комиссіи и который имѣлъ цѣлью, какъ это прямо указано въ приведенныхъ къ нему мотивахъ, только обеспеченіе неотъемлемыхъ правъ Россіи и къ которому, въ видѣ особаго мнѣнія, былъ приложенъ проектъ финляндскихъ членовъ, былъ внесенъ въ Совѣтъ Министровъ. Совѣтъ Министровъ произвелъ въ проектъ нѣкоторыя измѣненія.

14 марта 1910 года по поводу того же вопроса общегосударственного законодательства былъ изданъ Высочайшій манифестъ огромной государственной важности, знаменующій собою поворотъ въ финляндскомъ вопросѣ. Одновременно проектъ обѣ общегосударственномъ законодательствѣ былъ переданъ на заключеніе, въ мѣсячный срокъ, финляндскаго сейма.

Финляндцы, которые въ болѣе точномъ опредѣленіи порядка изданія законовъ, общихъ для Имперіи и Финляндіи, справедливо увидѣли опасность для своего сепаратизма, финляндцы, которые ни за что не хотятъ разстаться съ иллюзіей своего собственного государства, выдвинули противъ новаго проекта всѣ свои силы. Но они не удовольствовались выступленіемъ главныхъ своихъ дѣятелей. Они начали старательно подговаривать и иностранныхъ ученыхъ выступить съ протестомъ противъ мнимаго угнетенія страны и «полнаго уничтоженія финляндской культуры». Подобно тому какъ они въ 1899 году добились пріѣзда въ Россию международной депутаціи, они и теперь хотѣли мобилизовать европейское общественное мнѣніе, навѣвая ему подсказки Мехелина. Это имъ не удалось, потому что выступленіе группы иностранныхъ ученыхъ,

изъ которыхъ большинство оказалось не юристами, скорѣе повредило финляндцамъ, а во всякомъ случаѣ, вызвавъ возраженія русскихъ ученыхъ и обществъ, лишь подтолкнуло русское національное чувство на прочный и вѣрный путь защиты единства и нераздѣльности Россіи.

Сеймъ не далъ своего заключенія по проекту общегосударственного законодательства, указывая на то, что онъ касается основныхъ законовъ Финляндіи. Сеймъ считаетъ, что въ подобномъ случаѣ онъ имѣеть рѣшающій голосъ, а не совѣщательный. Если принять теорію финляндцевъ, то окажется, что по общегосударственному законодательству финляндскій провинциальный сеймъ долженъ получить голосъ равный голосу Государственной Думы и Государственному Совѣту и такимъ образомъ, при оппозиціонномъ veto Финляндіи, Россія вовсѣ лишится возможности рѣшать свои главнѣйшие государственные вопросы безъ согласія финляндцевъ!...

XXI.

Русская государственная программа.

Вышеизложенный краткий исторический обзоръ приводить насъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Если Финляндія сдѣлается государствомъ, то история начнется съ прежняго, т. е. намъ придется вновь завоевать ее. Дабы не потерять всѣго того, что достигнуто съ Петра Великаго, необходимо осуществленіе перечня, предложеннаго Совѣтомъ Министровъ въ законопроектѣ о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановлений общегосударственного значенія. Въ этомъ проектѣ порядку общаго законодательства подчиняются слѣдующія отрасли дѣлъ:

1) Участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ и установление для сего взносовъ, сборовъ и налоговъ.

2) Отбываніе населеніемъ Финляндіи воинской повинности, а также другихъ повинностей, служащихъ для военныхъ надобностей.

3) Права въ Финляндіи не состоящихъ финляндскими гражданами русскихъ подданныхъ.

4) Исполненіе финляндскихъ приговоровъ, рѣшеній и постановлений судебныхъ мѣстъ и требованій властей другихъ частей Имперіи, а также совершенныхъ ими договоровъ и актовъ.

- 5) Права, обязанности и порядокъ дѣйствій финляндскихъ и общихъ имперскихъ учрежденій и властей.
 - 6) Установленіе въ государственныхъ интересахъ изъятій изъ финляндскихъ уголовныхъ и судопроизводственныхъ законовъ.
 - 7) Обеспеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.
 - 8) Правила о публичныхъ собраніяхъ, обществахъ и союзахъ.
 - 9) Права и условія дѣятельности въ Финляндіи обществъ и компаний, учрежденныхъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи.
 - 10) Законодательство о печати въ Финляндіи и привозъ въ неё произведеній печати изъ-за границы.
 - 11) Отношеніе между Финляндіей и другими мѣстностями Имперіи по таможенной части.
 - 12) Охрана въ Финляндіи торговыхъ и промышленныхъ знаковъ и привилегій, а также правъ литературной и художественной собственности.
 - 13) Денежная система въ Финляндіи.
 - 14) Почта, телефоны, воздухоплаваніе и т. п. способы сношеній въ Финляндіи.
 - 15) Желѣзнодорожное дѣло въ Финляндіи, въ его отношеніяхъ къ оборонѣ государства, а также къ сообщеніямъ между Финляндіей и прочими частями Имперіи и къ сообщеніямъ международнымъ; желѣзнодорожный телеграфъ.
 - 16) Торговое мореплаваніе въ Финляндіи.
 - 17) Права въ Финляндіи иностранцевъ.
- Вмѣстѣ съ симъ, при практическомъ осуществлениіи предложенной Совѣтомъ Министровъ программы, нужно имѣть въ виду слѣдующее:
- 1) Необходимо назначать на высшія отвѣтственные должности по финляндскому управлению такихъ лицъ,

которымъ не были бы чужды интересы русского государства и русского народа.

2) Слѣдуетъ ввести государственный языкъ въ дѣло-производство высшихъ правительственныхъ установлений, въ предѣлахъ, указанныхъ манифестомъ 7-го іюня 1901 года.

3) Полезно поддержать и развить въ Финляндіи русскій печатный органъ, учредить при гельсингфорскомъ университѣтѣ каѳедры, знакомящія съ Россіей и русской наукой, и, наконецъ, отнестись съ особымъ попеченіемъ къ русскимъ училищамъ и интересамъ православныхъ приходовъ.

4) Требуется подчиненіе лоцманскаго вѣдомства,— въ видахъ обезпеченія существенныхъ интересовъ, какъ государственныхъ, такъ и стратегическихъ,— русской правительственной власти, а также соединеніе желѣзныхъ дорогъ Россіи и Финляндіи, при посредствѣ моста, построенного черезъ Неву, и установленіе, такимъ образомъ, прямого пассажирскаго и товарнаго сообщенія, и

5) недопущеніе впредь образованія отдѣльной финляндской арміи или отдѣльныхъ финскихъ воинскихъ частей.

XXII.

Литература и пособія.

Абовъ, Г. (Бородкинъ) Густавъ Морицъ Армфельть и его русско-финскія отношенія.

Берендтсъ, Эдуардъ. Финансовое право Великаго Княжества Финляндского въ XIX столѣтіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Н. Императорскій Александровскій университетъ въ Финляндіи. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Н. Лекціи по административному праву Великаго Княжества Финляндского. 2 тома. Спб. 1903.

Берендтсъ, Э. Н. Краткій обзоръ финансовъ Великаго Княжества Финляндского. Спб. 1900.

Берендтсъ, Э. Н. Къ финляндскому вопросу. Статьи по поводу рѣчи члена Государственной Думы П. Н. Милюкова 13 мая 1908 года при разсмотрѣніи запросовъ по финляндскому управлению. Спб. 1910.

Берендтсъ, Э. Н. По поводу воззванія иностранныхъ ученыхъ. Спб. 1910.

Берендтсъ, Э. Н. Краткій очеркъ бюджетнаго права Финляндіи. Спб. 1909.

Behrendts. Ueber Grenzmarkenpolitik und die finnländische Frage insbesondere, Rede, gehalten am 14, I, 1907, St. Petersburg. 1907.

Бородкинъ, М. М. Памяти Финляндскаго генераль-губернатора Николая Ивановича Бобрикова.

Бородкинъ М. Исторія Фінляндіи. Время Петра В. и Елизаветы Петровны. Спб. 1910.

Бородкинъ, М. Исторія Фінляндіи. Время Императора Александра I. Спб. 1909.

Бородкинъ, М. Исторія Фінляндіи. Время Императора Александра II. 1908.

Бородкинъ, М. Изъ новѣйшей исторіи Фінляндіи. Время управлениія Н. И. Бобрикова. Спб. 1905.

Бородкинъ, М. Фінляндія въ русской печати. Библіографический указатель книгъ и статей о Фінляндіи. Спб. 1902.

Бородкинъ, М. Война 1854—1855 г. на Финскомъ побережье. Спб. 1904.

Бородкинъ М. Н.Д. Сергѣевскій и его отношенія къ финляндскому вопросу. Харьковъ, 1909.

Бородкинъ, М. Итоги столѣтія. Харьковъ. 1909.

Condition juridique de la Finlande. (M. Borodkine). Paris. 1902.

Владиміровъ. Революція въ Фінляндіи при князѣ Ив. Оболенскомъ.

Гильфердингъ. Россія и ея инородческія окраины на западѣ. Т. II..

Даніельсонъ, I. P. По какому пути.

Евреиновъ, Г. А. Национальные вопросы на инородческихъ окраинахъ Россіи. Схема политической программы. Спб. 1908.

Ewreinoff G. Zur finnischen Frage. Spb. 1909.

Еленевъ, О. Ученіе о финляндскомъ государствѣ. Спб. 1893.

Elénew, Th. Les prétentions des separatistes finlandais. Paris. 1895.

Еленевъ, О. П. Фінляндскій современенный вопросъ.

Еленевъ, О. П. Отчего побѣдители обращаются иногда въ побѣжденныхъ.

Еленевъ, Ф. П. Чего достигли и чего домогаются впредь достигнуть финляндцы по пути отпаденія ихъ отъ русской государственной власти.

Еленевъ, Ф. П. Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ 1878 года о воинской повинности.

Изナンка революціи. Вооруженное восстаніе въ Россіи на японскія средства.

Каменскій, Н. Современное положеніе Финляндіи съ точки зрењія обороны государства, Спб. 1908.

Корево, Н. Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Вел. Кн. Финляндскаго, т. I (А—І), т. II (К—П), т. III (Р—Я). Спб. 1907—1909.

Корево, Н. Н. Изданія мѣстныхъ законовъ Россійской Имперіи (изъ «Библіотеки Окраинъ Россіи»), № 4 (стр. 23 и слѣд.). Спб. 1907.

Коркуновъ, Н. М. Финляндскій сеймъ. Юридическая лѣтопись. 1891 г. № 1.

Коркуновъ, Н. М. Русское государственное право, т. I. Спб. 1892. Изд. 7-е, посмертное. Спб. 1909.

Кочкаревъ, Н. А. Программы финляндскихъ партій. Спб. 1909.

Куплеваскій, Н. О. Справка о мнѣніяхъ 25-ти русскихъ ученыхъ специалистовъ права, по вопросу о юридическомъ положеніи Финляндіи въ составѣ Русской Имперіи. Спб. 1910.

Куплеваскій Н. Манифестъ Императора Александра I $\frac{9}{21}$ Февраля 1816 г. о переименованіи Финляндскаго Правительственного Совета въ Императорскій Финляндскій Сенатъ. Спб. 1910.

Le revers de la révolution. L'insurrection en Russie, armée aux frais du Japon. Ed. du journal «Golos Prawdy». St. Petersburg. 1909.

Липранди, А. П. (Волынецъ, А.). Финляндскій вопросъ. Къ столѣтію присоединенія Финляндіи къ Россіи. Спб. 1909.

Липскій, А. І. О порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ общегосударственного значенія. Спб. 1910.

Майковъ, Л. М. Финляндія, ея прошедшее и настоящее.

Малышевъ, Н. Общее уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Спб. 1891.

Мессарошъ, П. И. Финляндія—государство или русская окраина? Спб. 1898.

Михайловъ, С. Н. (Бородкинъ). Юридическое положеніе Финляндіи. Замѣтки по поводу отзыва сейма 1899 года.

О положеніи мѣстныхъ школъ въ Финляндіи.

О правахъ Россіи на Финляндію. Изд. «Друзей свободы и порядка».

Ординъ, К. Ф. О финляндской монетѣ.

Ординъ, К. Ф. Конституція Финляндіи въ изложении мѣстного сенатора Л. Мехелина. Спб. 1888.

Ординъ, К. Ф. Покореніе Финляндіи. 2 тома съ картою Финляндіи, 1889 г. (первое изданіе).

Ординъ, К. Ф. Собраніе сочиненій по финляндскому вопросу. Т. I.—Изслѣдованія, статьи, записки и письма. Съ портретомъ автора и предисловіемъ издателя, Б. К. Ордина. Спб. 1908; тт. II и III—второе изданіе «Покореніе Финляндіи» съ предисловіемъ издателя Б. К. Ордина и картою Финляндіи во II томѣ. Спб. 1909.

Остенъ-Сакенъ, Баронъ Вольфъ фонъ-деръ. Государственноправовое положеніе Великаго Княжества Финляндскаго въ Россійскомъ Государствѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ ред. автора. Спб. 1910.

Osten-Sacken, baron Wolf von der. Die Staatsrecht-

liche Stellung des Grossfürstenthums Finnland im Russischen
Reiche. Tübingen. 1909.

Osten-Sacken, Baron Wolf von der, d-r. Russland und
Finnland. Zur Kritik der Bornhakschen Construction de-
taatsrechtlichen Verhältnisses. St. Petersburg. 1910.

Панфинская пропаганда (по финскимъ источни-
камъ). Спб. 1909.

Петровскій, С. Финляндская окраина Россіи
Сборникъ статей, очерковъ, писемъ, документовъ и
иныхъ материаловъ для изученія такъ называемаго
«Финляндского вопроса». Москва. Выпускъ I—1891,
вып. II—1894, вып. III—1897.

«Разсказы прапорщика Столя». Соч. Рунеберга
(Разборъ М. Бородкина). Спб. 1910.

Румянцевъ, А. Финляндія вооружается! Союзъ
«Сила» («Voima»). Спб. 1907.

Рейнъ, Т. Йоганнъ Вильгельмъ Снельманъ. Исто-
рико-біографический очеркъ, сокращенный переводъ со
шведскаго. Спб. 1903.

Сергѣевскій, Н. Д. Къ вопросу о финляндской
автономіи и основныхъ законахъ. Спб. 1902.

Сергѣевскій, Н. Д. Сеймовый уставъ Вел. Кн. Фин-
ляндскаго. Библіотека Окраинъ Россіи, № 1. Спб. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Финляндское уголовное уло-
женіе. Библіотека Окраинъ Россіи, № 2. 1907.

Сергѣевскій, Н. Д. Запросы по финляндскому
управлѣнію въ Государственной Думѣ—1908 года. Биб-
ліотека Окраинъ Россіи, № 6. Спб. 1908.

Смирнова, С. Угнетенная страна. Замѣтки о Фин-
ляндіи. Спб. 1908.

Смирнова, С. Покореніе сердецъ. Спб. 1909.

Собраніе постановленій Финляндскихъ. Т. I—III.
1808—1859 г.г. изд. временної комиссіи по финлянд-
скимъ законамъ. (Очеркъ Бородкина).

Современное положение русского дѣла на финляндской окраинѣ. (Очеркъ Бородкина).

Суворовъ, П. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907.

Souvoroff, P. Question Finlandaise, Spb. 1908.

Судопроизводство и судоустройство Финляндіи. Издание комиссіи по систематизаціи финляндскихъ законовъ. Спб. 1901.

Таганцевъ, Н. С. Высочайшій Манифестъ 1 декабря 1880 года и Финляндское Уголовное Уложеніе. Юридич. Лѣтопись. 1881, I т. Изданъ особо. Спб. 1910.

Таганцевъ, Н. С. По поводу предстоящаго введенія особаго уложения для Великаго Княжества Финляндіи. Записка отъ 23 іюля 1890 г. Спб. 1910.

Таганцевъ, Н. С. Великое Княжество Финляндія. Выдержка изъ лекцій по русскому уголовному праву. Спб. 1910.

Федоровъ, Евг. Подготовка финляндской революціи 1889—1905 гг. Спб. 1907.

Финляндія съ показаніемъ государственныхъ границъ Россіи и Швеціи въ разное время и Выборгская губернія. Карты съ объяснительной къ нимъ запиской. Спб. 1909.

Финляндія. Издание Н. Поповой, подъ редакціей Д. Протопопова. Спб. 1888.

Шиловскій, П. Акты, относящіеся къ политическому положенію Финляндіи. Спб. 1903.

Якубовъ, К. Сборникъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ. Гельсингфорсъ. 1889